

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Проблемные аспекты участия защитника в уголовном судопроизводстве»

Обучающийся

К.А. Васина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, А.М. Моисеев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общие положения о правовом статусе защитника в уголовном процессе.....	8
1.1 Понятие, назначение и процессуальная функция защитника в уголовном процессе	8
1.2 Процессуальный статус защитника в уголовном процессе.....	14
Глава 2 Особенности реализации процессуального статуса защитника в уголовном процессе	24
2.1 Основания и порядок вступления защитника в уголовное дело....	24
2.2 Особенности участия защитника в досудебном производстве	29
2.3 Особенности участия защитника в судебном производстве	43
Глава 3 Проблемные вопросы участия защитника в современном уголовном судопроизводстве	54
3.1 Проблемы практической деятельности защитника в уголовном судопроизводстве.....	54
3.2 Проблемные аспекты участия защитника в доказывании	62
3.3 Предложения, направленные на совершенствование процессуальной регламентации участия защитника в уголовном судопроизводстве.....	70
Заключение	76
Список используемой литературы и используемых источников.....	84

Введение

Актуальность исследования. Одной из наиболее значимых, не утрачивающих живой научный интерес и внимание общественности, является проблематика реализации принципа защиты в уголовном судопроизводстве, посредством обеспечения полноценного участия защитника на всех стадиях производства по уголовному делу.

Такое пристальное внимание, конечно же, не случайно – оно основано на той значимой роли, что играет обозначенный субъект уголовно-процессуальной деятельности в общем контексте уголовно-процессуальных отношений, о чём свидетельствуют как выводы специалистов, публикуемые в научных изданиях, так и актуальная судебная практика, связанная с рассмотрением и разрешением уголовных дел.

Как верно определяется в уголовно-процессуальной науке, «под уголовным процессом (уголовным судопроизводством) в принято понимать регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность стороны обвинения, защиты и суда по установлению фактов, имеющих значение по уголовному делу, основанную на принципе состязательности и равноправия сторон, осуществляемую в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [67, с. 3].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что деятельность защитника выступает одной из базовых составляющих уголовно-процессуальной деятельности, способствуя полноценной реализации назначения уголовного судопроизводства, определяемого в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [84] (УПК РФ), как защита прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Отмеченная актуальность и значимость находит своё подтверждение не только в отечественном правопорядке. Не менее пристальное и подробное внимание обозначенной проблематике уделяется также в работах зарубежных исследователей, что также находит своё многогранное отражение в научной и учебной литературе, публикуемой в зарубежных странах [95].

Особая роль защитника, его противостояние участникам производства по делу, наделённых властными полномочиями, обуславливает наличие многочисленных процессуальных проблем, связанных с реализацией комплекса процессуальных правомочий, адресованных защитнику.

Современное процессуальное регулирование, а также непосредственное состояние разработанности проблематики уголовно-процессуальных основ деятельности защитника в уголовном судопроизводстве диктует необходимость проведения дальнейших комплексных исследований.

К сожалению, до сих пор в правоприменительной практике присутствует взгляд на защитника, как некую помеху объективному расследованию уголовного дела и привлечению виновного к уголовной ответственности, что также во многом создаёт почву для проблем реализации защитником своего назначения в уголовно-процессуальных отношениях.

В этой связи, попытки защитника пользоваться предусмотренным законом комплексом прав и законных возможностей осуществления защиты встречает активное противодействие со стороны обвинения, не редко основанное на злоупотреблении имеющимися властными полномочиями.

Тем не менее, ещё в советский период развития отечественного уголовно-процессуального права, М.С. Строгович верно утверждал, что «было бы глубочайшей ошибкой думать, что настойчивая, мужественная защита может повредить правосудию, ослабляя борьбу с преступностью. Если обвинение действительно обоснованно, правильно, законно, оно выдержит борьбу с защитой. А если этого нет защита поможет опровергнуть необоснованное обвинение, - и это послужит только на пользу правосудию, а не во вред ему» [78, с. 7].

Как верно отмечается исследователями, «современный комплекс уголовно-процессуальных гарантий, направленных на эффективную реализацию правомочий защитника, как важной составляющей демократических основ состязательности, нуждается в критическом анализе, направленном на выявление разрешенных процессуальных и практических проблем в данном направлении» [1, с. 8], что в очередной раз подтверждает актуальность данной темы научного исследования.

Объект исследования – уголовно-процессуальные отношения, которые находят свою реализацию в ходе обеспечения участия адвоката-защитника на разных стадиях производства по уголовному делу.

Предмет исследования – положения российского уголовно-процессуального законодательства РФ, а также соответствующие материалы правоприменительной практики.

Цель исследования – проанализировать проблемные аспекты участия защитника в российском уголовном судопроизводстве.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие, назначение и определить процессуальную функцию защитника;
- определить основы процессуального статуса защитника;
- рассмотреть основания и порядок вступления защитника в уголовное дело;
- охарактеризовать особенности участия защитника в досудебном и судебном производстве по уголовным делам;
- рассмотреть актуальные проблемы деятельности защитника в уголовном судопроизводстве.

Теоретическая основа исследования. В качестве данной основы исследования можно рассматривать научные изыскания отечественных и зарубежных исследователей, обозначенные в опубликованных работах, посвящённых тем или иным граням процессуального статуса защитника и

реализации права на защиту, как одного из базовых в общем контексте уголовно-процессуальной деятельности.

Методы исследования. Магистерское исследование проведено с использованием общих и частных методов научного познания, включая сравнительно-правовой метод, метод системно-структурного анализа правовых норм и т.д.

Научная новизна исследования. Научная новизна проведённого магистерского исследования предопределяется его комплексным характером, а также непосредственным обращением к актуальным исследованиям других специалистов и уместным использованием разноплановых данных судебной практики.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в педагогической практике преподавания юридических дисциплин и спецкурсов криминального цикла, а также применении соответствующих выводов для инициации предложений по совершенствованию существующего процессуального регулирования.

Степень разработанности темы исследования. Данный комплекс проблем не исчерпан, несмотря на обилие научных публикаций, посвящённых настоящему предмету исследования как в рамках статей и тезисов конференций, так и в рамках масштабных монографических исследований, а также исследований на соискание учёной степени кандидата и доктора юридических наук.

Следует отметить вклад в разработку обозначенных проблем таких специалистов, как: А.А. Дорошева, В.Л. Кудрявцев, А.Г. Кучерена, Я.О. Мотовиловкер, А.П. Рыжаков, М.С. Строгович и других специалистов.

Нормативно-правовая основа исследования. В основе магистерского исследования лежат нормативные положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также иные законодательные и подзаконные акты, регулирующие смежные вопросы правоприменения.

Положения, выносимые на защиту:

- высказано предложение о предоставлении защитнику возможность составления по итогам ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ, защитительного заключения;
- сформулировано предложение, связанное с внесением изменений в ч. 1 ст. 49 УПК РФ в целях уточнения понятия «защитник»: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу»;
- сформулировано предложение, связанное с дополнением ст. 49 УПК РФ ч. 2.1 следующего содержания: «Ходатайство обвиняемого о допуске в качестве защитника одного из близких родственников или иного лица, не обладающего статусом адвоката, подлежит обязательному удовлетворению во всех случаях, когда отсутствуют процессуальные препятствия для участия данного лица в качестве защитника, в том числе, предусмотренные ст. 72 настоящего Кодекса»;
- в целях совершенствования процессуального регулирования участия адвоката-защитника в доказывании высказано предложение в рамках главы 15 УПК РФ обязать следователя удовлетворять все ходатайства о проведении следственных действий, если они мотивированы результатами использования защитником полномочий ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а также предоставить защитнику возможность судебного обжалования отказа в удовлетворении этих ходатайств, путём внесения изменения в текст ст. 125 УПК РФ.

Структура магистерской диссертации. Магистерская диссертация включает в себя введение, три главы, разделённые на отдельные параграфы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения о правовом статусе защитника в уголовном процессе

1.1 Понятие, назначение и процессуальная функция защитника в уголовном процессе

Правильное определение ключевых категорий, на которых строится научное исследование, является важной основой для последовательного и непротиворечивого научного анализа, а также формирования обоснованных выводов. Применительно к исследуемой теме, одной из таких категорий является категория «защитник», определяющая анализируемого субъекта уголовного судопроизводства.

Процессуальное определение данной категории даётся в ч. 1 ст. 49 УПК РФ: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Данным образом федеральный законодатель определяет данного участника уголовного судопроизводства, осуществляющего защиту и оказание квалифицированной юридической помощи, как института, определяемого на конституционно-правовом уровне в ст. 48 Конституции Российской Федерации [29] (Конституция РФ).

Таким образом, далеко не случайно указанное право сформулировано на конституционно-правовом уровне в виде одной из базовых основ уголовно-процессуальной деятельности: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ).

При этом, в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ сформулировано ещё одно положение, связывающее право на квалифицированную юридическую помощь с защитником, как участником уголовного судопроизводства: «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

В данном положении заложена очевидная взаимосвязь процессуального положения защитника и конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи.

Как верно отмечается в литературе, «концепция конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве является одним из способов выражения конституционного права-гарантии на получение квалифицированной юридической помощи, представляющей собой совокупность идей, теоретических положений, нашедших свое отражение в правовых нормах, объединённых определённым предметом правового регулирования – оказанием квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве» [31, с. 136].

Таким образом, «в рамках нормативного определения защитника, законодателем подчёркивается реализация последним двух фундаментальных направлений уголовно-процессуальной деятельности: защита и квалифицированная юридическая помощь» [71, с. 97].

Данные направления не смешиваются, но и не противопоставляются – они рассматриваются в рамках определённого целостного единства, позволяющего получить первоначальное, наиболее общее представление о данном участнике уголовного судопроизводства.

Исходя из отмеченной особенности, закономерно, что в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ, по общему правилу, в качестве защитника участвуют

адвокаты (а досудебное производство вообще не предполагает иного лица, помимо адвоката, в данном процессуальном качестве) – потому что именно адвокатская деятельность, в ст. 1 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [88] (Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре) определяется как «квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката».

Тем не менее, нормативное определение, приводимое в ст. 49 УПК РФ, нередко критикуется в уголовно-процессуальной науке. Так отдельные специалисты указывают на то, что по непонятным причинам, законодатель в анализируемом определении «ведёт речь об интересах, а не о законных интересах подозреваемого и обвиняемого. Именно этот термин употреблён им в ч. 3 ст. 47 УПК РФ, когда он говорит о защите тех же самых объектов, но уже самим обвиняемым» [73, с. 15].

При всём сходстве и кажущейся не принципиальности разницы между «интересами» и «законными интересами», отмеченный недостаток используемого законодателем оборота достаточно существенный.

Под категорией «интерес», понимаются «нужды, потребности» [47, с. 216], что позволяет сделать вывод о том, что речь идёт о защите того, в чём нуждается и чего хочет подозреваемый или обвиняемый. Но такой подход не позволяет исключить из круга нужд и пожеланий, входящих в понятие «интерес», тех, что имеют противоправный характер. Ведь нуждаться лицо может в чём угодно и допускать приемлемость любых средств достижения желаемого.

Совершенно очевидно, что защитник не вправе отстаивать противоправные интересы своего доверителя, тем самым исключая следование адвокатом воле подзащитного, имеющей противоправный характер.

Таким образом, говоря о защите интересов подозреваемого и обвиняемого в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, законодателю уместнее было бы вести речь исключительно о законных интересах соответствующего субъекта.

Для нейтрализации указанного недостатка, в данную процессуальную норму следует внести соответствующее изменение, заменив категорию «интерес» на оборот «законный интерес».

В новой редакции определение защитника может выглядеть следующим образом: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Роль исследуемого субъекта рельефно и достаточно внятно просматривается благодаря процессуальной функции, адресованной защитнику.

В рамках раздела II УПК РФ, федеральный законодатель определяет отправные моменты процессуального положения участников уголовно-процессуальной деятельности в зависимости от реализуемой ими процессуальной функции, распределив их таким образом в соответствующих главах.

Исходя из расположения норм, посвящённых защитнику, в УПК РФ, очевидно, что защитник реализует функцию защиты. Именно она является воплощением смысла и назначения защитника, как процессуального участника тех отношений, что складываются в ходе досудебного и судебного производства.

Как правильно отмечается в комментарии к действующему УПК РФ, положения ч. 1 ст. 49 УПК РФ «свидетельствуют о конкретизации функции защиты, которую реализует защитник как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты в уголовном судопроизводстве» [27, с. 177].

Важно заметить, что применительно к адвокату-защитнику речь идёт о реализации функции защиты в узком смысле, как функции, противостоящей функции уголовного преследования (обвинения).

Это важно подчеркнуть, так как функция защиты в широком смысле, будучи основанной на назначении уголовного судопроизводства, адресована всем профессиональным участникам уголовно-процессуальной деятельности.

Тем не менее, в науке верно указывается на неразрывно взаимосвязь функции защиты и функции обвинения, в связи с чем «активное участие сторон (как обвинения, так и защиты) в уголовном процессе крайне необходимо» [38, с. 254].

Как пишет А.А. Дорошева, «рассматривая функцию защиты в широком смысле, мы предлагаем понимать ее как направление деятельности профессиональных участников уголовного судопроизводства для обеспечения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и для защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод» [15, с. 25].

Тем не менее, такой подход лишает функцию защиты определённости, размывает её и распространяет на формально неопределённый круг процессуальных участников. Такое положение не способствует единообразию подходов как в науке, так и правоприменении.

В этой связи в классической «триаде» процессуальных функций, включающей в себя функции уголовного преследования, защиты и рассмотрения (разрешения) дела по существу, функцию защиты следует рассматривать исключительно в узком значении.

В отдельных работах зарубежных исследователей уделяется внимание особенностям реализации функции защиты применительно к разным категориям преступлений [96].

О функции защиты в узком значении, которая адресована защитнику, много писали советские специалисты-процессуалисты в рамках своих научных работ.

М.А. Чельцов отмечал, что «функция защиты состоит в обосновании всех обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или уменьшающих его вину, и осуществляется она самим обвиняемым или защитником» [90, с. 30].

М.С. Строгович считал, что функцией защиты является «совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения, на установление невинности обвиняемого или на смягчение его ответственности» [79, с. 196].

Как отмечается П.А. Лупинской, «функция защиты на стадии предварительного расследования выражается в действиях подозреваемого, обвиняемого и их защитников, направленных на полное или частичное опровержение подозрения или обвинения, выявление обстоятельств, говорящих в пользу подозреваемого или обвиняемого» [36, с. 49].

Я.О. Мотовиловкер обращает внимание на то, что «функция защиты в контексте ее реализации защитником не сводится только к выявлению оправдывающих обстоятельств или смягчающих его участь, функция защиты включает в себя также защиту таких интересов обвиняемого, как не быть подвергнутым незаслуженной мере пресечения, не быть стесненным в реализации предоставленных законом обвиняемому процессуальных прав» [44, с. 47].

Таким образом, следует вывод о том, защитник реализует функцию защиты в узком смысле, включающим в себя процессуальную деятельность, направленную на защиту лица от уголовного преследования, реализуемого государством в лице всеми незапрещёнными средствами и методами, исходя из диспозитивного принципа «разрешено то, что прямо не запрещено».

Таким образом, если смотреть на значение процессуальной деятельности адвоката-защитника сквозь призму осуществляемой им процессуальной функции, можно сделать вывод о том, что защитник выступает единственным профессиональным участником со стороны защиты, наделённым возможностями оказать подозреваемому или обвиняемому действительно квалифицированную юридическую помощь.

Именно благодаря такому участию в полной мере реализуется принцип состязательности, как одна из базовых основ российского демократического уголовного судопроизводства, создавая принципиально важную основу для объективного разрешения уголовных дел судом.

1.2 Процессуальный статус защитника в уголовном процессе

Процессуальный статус любого участника уголовного судопроизводства включает в себя комплекс полномочий и ответственности данного субъекта, как единое целое.

Часть 1 ст. 53 УПК РФ включает в себя основные полномочия защитника, которые необходимы для полноценного обеспечения реализации данным участником уголовного судопроизводства своей процессуальной функции и назначения.

Данные полномочия законодатель сформулировал следующим образом:

«1) иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с пунктом 3 части четвертой статьи 46 и пунктом 9 части четвертой статьи 47 настоящего Кодекса;

2) собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 настоящего Кодекса;

3) привлекать специалиста в соответствии со статьей 58 настоящего Кодекса;

4) присутствовать при предъявлении обвинения;

5) участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом;

6) знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий,

произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому;

7) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств;

8) заявлять ходатайства и отводы;

9) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора;

10) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом;

11) использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты» (ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Как верно отмечается Конституционным Судом РФ в Определении от 26.02.2021 г. № 338-О: «статья 53 УПК Российской Федерации предусматривает полномочия защитника, которые необходимы для обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в уголовном судопроизводстве и которые защитник обязан своевременно, разумно, квалифицированно и добросовестно использовать, отстаивая права и законные интересы подзащитного» [54].

То есть, данная норма имеет гарантийный характер, на чём также сделан акцент Конституционным Судом РФ в Определении от 25.03.2021 г. № 407-О [53].

Очевидно, что «арсенал» процессуальных полномочий защитника определён с одной ключевой целью – реализовать предусмотренный законодателем комплекс прав и законных интересов лица, на которое

направлено уголовное преследование и не может вступать в какое-либо противоречие с таковыми. Обратное не соответствовало бы их природе и концептуальной процессуальной сущности. Данный вывод фигурирует в целом ряде судебных актов: Кассационном определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 г. по делу № 77-55/2022 [22], Кассационном определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2021 г. по делу № 77-430/2021 [23] и других.

На уровне науки и правоприменительной практики закреплена позиция, в соответствии с которой невозможность осуществления защитником своих полномочий, закреплённых в ст. 53 УПК РФ, или же ограничение в реализации таковых, неизбежно влечёт нарушение конституционного права, обозначенного в ст. 48 Конституции РФ, а поскольку речь идёт о конституционно-правовой гарантии, Верховный Суд РФ совершенно справедливо определяет: «такого рода нарушение квалифицируется в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона, которое могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения» [46].

Важность обеспечения реализации права на защиту при производстве по уголовным делам активно обсуждается в зарубежной науке [93].

Как видно из содержания полномочий, указанных в ч. 1 ст. 53 УПК РФ, они распространяются на всё производство по уголовному делу. Здесь находят своё закрепление основы процессуального статуса защитника: права, обязанности и ответственность.

При этом, положения ст. 53 УПК РФ следует рассматривать в контексте иных уголовно-процессуальных норм, касающихся процессуального статуса защитника.

По смыслу ч. 4 ст. 49 УПК РФ и в силу ряда позиций, изложенных в решениях Конституционного Суда РФ, «лицо, допущенное к участию в уголовном деле в качестве защитника, сохраняет свои уголовно-процессуальные права и обязанности до тех пор, пока не будут приняты отказ

подозреваемого, обвиняемого от этого защитника или решение о его отводе (отстранении от участия в деле)» [49].

Что касается процессуальных обязанностей защитника, то прямо в анализируемой норме УПК РФ закреплена лишь одна из таковых: «Защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ч. 3 ст. 53 УПК РФ).

Конфиденциальность соответствующих сведений обуславливается самой процессуальной природой отношений, складывающихся в досудебном производстве и ключевым субъектом, носителем аккумулируемой в процессе расследования информации, выступают следователь, или дознаватель.

Как верно отмечается исследователями, «закрепление в законе указанных требований, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, обусловлено тем, что при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина, предполагают сохранение в тайне, полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и тем самым представляющее общественную опасность» [8, с. 89].

Бесконтрольное распространение таких сведений, с одной стороны, способно причинить вред интересам личности в той или иной мере вовлечённой в процесс производства по уголовному делу. С другой стороны,

подобное разглашение может причинить вред объективности процессуальной деятельности и возможности привлечь виновного к ответственности.

В одном из своих Определений, Конституционный Суд РФ отметил следующее: «В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и тем самым представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу» [48].

Соответственно, будучи осведомлённым о каких-либо сведениях, входящих в содержание тайны предварительного расследования, защитник не может таковые разглашать под угрозой уголовной ответственности, но лишь при условии, что он предупреждён об этом соответствующим должностным лицом, наделённым властными полномочиями – это является необходимым условием наступления ответственности за неправомерное распространение такой информации.

Такое предупреждение следователем или дознавателем производится в соответствующей процессуальной форме. Как указывает А.П. Рыжаков, «исходя из содержания ст. 161 УПК РФ, должностное лицо устно предупреждает адвоката-защитника о недопустимости разглашения без его на то разрешения вышеуказанных сведений» [73, с. 271].

После такого устного предупреждения, у защитника отбирается подписка с предупреждением об уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации [85] (УК РФ).

После этого, в соответствии с ч. 2 ст. 161 УПК РФ «данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства».

Также в анализируемой норме содержится дополнительное ограничение категорического характера: «Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя вообще не допускается» (ч. 5 ст. 161 УПК РФ).

Примечательно, что адвокат-защитник является носителем двух тайн: уже обозначенной тайны предварительного расследования и адвокатской тайны, обозначенной в ст. 8 Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Как пишет А.А. Тарасов, «под адвокатской тайной принято понимать комплекс правовых и этических требований, обеспечивающих конфиденциальность общения адвоката с лицами, которым он оказывает профессиональную юридическую помощь» [81, с. 12].

Анализ ст. 8 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также ч. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката [25] и позволяют сделать вывод о том, что адвокат не вправе сообщать никакие сведения, полученные им в контексте работы со своим доверителем.

Институт адвокатской тайны, как констатирует Конституционный Суд РФ, «представляет собой правовой режим, в рамках которого осуществляется запрет на получение и использование третьими лицами персональной информации доверителя, находящейся у адвоката в связи с оказанием ему

правовой помощи, а также использование этой информации адвокатом в нарушение целей своей профессиональной деятельности» [69].

Как верно определяет А.М. Пшукова, «доверительные отношения между адвокатом и доверителем не позволяют адвокату использовать какую бы то ни было конфиденциальную информацию, предусмотренную этическими нормами, для собственной выгоды, или для выгоды третьей стороны, или в ущерб доверителю» [66, с. 299].

Как отмечается в публикациях, «адвокат – единственный субъект оказания квалифицированной юридической помощи – не зависимый от государства, защищен адвокатской тайной и гарантиями невмешательства в профессиональную деятельность» [89, с. 18].

А.Г. Кучерена, определяя понятие адвокатской тайны, считает, что «адвокатская тайна – это необходимое условие существования адвокатуры и одновременно процессуальная гарантия полноты, объективности и состязательности уголовного судопроизводства» [32, с. 47].

Очевидно, что, находясь в теснейшем информационном взаимодействии со своим подзащитным, адвокат-защитник представляет повышенный оперативный интерес для правоохранительных органов, что может становиться причиной попыток получить доступ к предмету адвокатской тайны «обходным» путём.

Как пишут А.А. Росляков и А.В. Лошкарев, «существуют лазейки, которыми пользуются недобросовестные сотрудники правоохранительных органов. Когда в отношении адвоката возбуждается то или иное уголовное дело, в ходе расследования которого следователь имеет право на проведение следственных действий ... Зачастую в ходе подобных мероприятий следователь старается обнаружить то, что может помочь ему в доказывании вины доверителя адвоката» [70, с. 156].

Ещё одна норма Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре способствует полноценной реализации адвокатской тайны: «Истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат

или Федеральной палаты адвокатов сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается» (п. 3 ст. 18).

Соответственно, законодатель создал определённые условия для защиты адвокатской тайны от неправомерного доступа к таковой извне, вопреки воле адвоката-защитника. При этом, действующее нормативное регулирование содержит гарантии защиты таковой от распространения самим адвокатом-защитником – в частности, в рамках положения п. 2.1 ч. 2 ст. 17 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, допускающего возможность лишения адвоката его профессионального статуса за нарушение режима конфиденциальности.

Отдельные авторы, анализируя нормы УПК РФ, а также положения Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, делают вывод о наличии в процессуальном регулировании дополнительных обязанностей у адвоката-защитника: «действовать в интересах подзащитного; согласовывать с подзащитным выбор средств и способов защиты; отказаться от защиты двух и более обвиняемых (подозреваемых), если интересы одного из них противоречат интересам другого; не отказываться от принятой на себя защиты обвиняемого (подозреваемого); не совершать при оказании юридической помощи правонарушений» [11, с. 150].

В принципе, с данным взглядом можно согласиться, но с небольшой оговоркой: в данном случае мы имеем дело с широким подходом к формулированию обязанностей защитника. Однако, основной (узкий) объём соответствующих статусных положений закреплён именно в ст. 49 и 53 УПК РФ, что позволяет на прийти к выводу о том, что процессуальная ответственность адвоката-защитника, как составляющая его уголовно-процессуального статуса, носит ограниченный характер.

В общем и целом, законодатель, формулируя соответствующие нормы, исходил из тезиса о том, что адвокат-защитник свободен в формах и способах осуществления своей деятельности. Соответственно, защитник реализует

процессуальную деятельность, направленную на защиту лица от уголовного преследования, реализуемого государством, всеми незапрещёнными средствами и методами, исходя из диспозитивного принципа «разрешено то, что прямо не запрещено».

По итогам первой главы исследования можно сформулировать следующие выводы.

Правильное определение ключевых категорий, на которых строится научное исследование, является важной основой для последовательного и непротиворечивого научного анализа, а также формирования обоснованных выводов. Применительно к исследуемой теме, одной из таких категорий является категория «защитник», определяющая анализируемого субъекта уголовного судопроизводства.

В рамках нормативного определения защитника, законодателем подчёркивается реализация последним двух фундаментальных направлений уголовно-процессуальной деятельности: защита и квалифицированная юридическая помощь.

Данные направления не смешиваются, но и не противопоставляются – они рассматриваются в рамках определённого целостного единства, позволяющего получить первоначальное, наиболее общее представление о данном участнике уголовного судопроизводства.

Нормативное определение, приводимое в ст. 49 УПК РФ, нередко критикуется в уголовно-процессуальной науке – в частности, в связи с тем, что законодатель использовал при его формулировании категорию «интерес», а не «законный интерес».

При всём сходстве и кажущейся не принципиальности разницы между «интересами» и «законными интересами», отмеченный недостаток используемого законодателем оборота достаточно существенный.

Таким образом, говоря о защите интересов подозреваемого и обвиняемого в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, законодателю уместнее было бы вести речь исключительно о законных интересах соответствующего субъекта.

Для нейтрализации указанного недостатка, в данную процессуальную норму следует внести соответствующее изменение, заменив категорию «интерес» на оборот «законный интерес». В новой редакции определение защитника может выглядеть следующим образом: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Защитник реализует в уголовном судопроизводстве функцию защиты в узком смысле, включающим в себя процессуальную деятельность, направленную на защиту лица от уголовного преследования, реализуемого государством, всеми незапрещёнными средствами и методами, исходя из диспозитивного принципа «разрешено то, что прямо не запрещено».

Таким образом, если смотреть на значение процессуальной деятельности адвоката-защитника сквозь призму осуществляемой им процессуальной функции, можно сделать вывод о том, что защитник выступает единственным профессиональным участником со стороны защиты, наделённым возможностями оказать подозреваемому или обвиняемому действительно квалифицированную юридическую помощь, тем самым обеспечив защиту данного лица от уголовного преследования, реализуемого со стороны государства.

Именно благодаря такому участию в полной мере реализуется принцип состязательности, как одна из базовых основ российского демократического уголовного судопроизводства, создавая принципиально важную основу для объективного разрешения уголовных дел судом.

Процессуальный статус защитника составляет комплекс его правомочий, обязанностей и ответственности. Основной объём процессуальных положений, определяющих таковой обозначен в ст. 49 и ст. 53 УПК РФ.

Глава 2 Особенности реализации процессуального статуса защитника в уголовном процессе

2.1 Основания и порядок вступления защитника в уголовное дело

В уголовном судопроизводстве, в соответствии со ст. 50 УПК РФ, имеет место участие защитника по приглашению и по назначению.

«Защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников» (ч. 1 ст. 50 УПК РФ).

Мы можем заметить, что этот вариант вовлечения защитника в уголовно-процессуальную деятельность законодатель определяет, как ординарный, основывая его на началах диспозитивности. Это положение также имеет значение базового – сложно отрицать важность процессуальной возможности обращения именно к тому специалисту, в профессиональных качествах которого у лица, подвергнутому уголовному преследованию, нет никаких сомнений.

Таковым, по общему правилу, выступает адвокат, вступающий в процесс и оказывающий квалифицированную юридическую помощь доверителю на основании заключенного соглашения, но ч. 2 ст. 49 УПК РФ предусматривает дополнительную возможность привлечения защитника, такового статуса не имеющего – исключительно в судебном производстве, исходя из законодательной формулировки.

Реализуя предусмотренную законодателем возможность пригласить желаемого защитника позволяет подозреваемому или обвиняемому воспользоваться квалифицированной юридической помощью именно того профессионала, который вызывает у него наибольшее доверие и уверенность в качестве такой помощи.

В основе участия адвоката в качестве защитника по приглашению лежит соглашение об оказании юридической помощи, обозначенное в ст. 25 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Заключение данного соглашения можно рассматривать в качестве юридического факта, с которым связывается наступление специальной правосубъектности адвоката. Как указывается специалистами, «специальная правосубъектность адвоката означает, что для оказания юридической помощи он вправе использовать не только его общие права, но и специальные полномочия определенных процессуальных субъектов. Она наступает с момента допуска адвоката в ... уголовный процесс в качестве соответствующего субъекта» [35, с. 30].

В данном случае, речь идёт о специальной правосубъектности защитника, определяемой уголовно-процессуальным законодательством.

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ: «Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

Исходя из содержания ч. 2 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и п. 1.1 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам [59], ордер является одним из документов, выдаваемых адвокатским образованием для удостоверяющих полномочия адвоката на исполнение поручения доверителя.

Соответственно, с момента предъявления ордера, выданного адвокату на основании соглашения об оказании юридической помощи доверителю и своего удостоверения следователю, или дознавателю, адвокат приобретает специальную правосубъектность защитника.

Порядок наделения адвоката специальной правосубъектностью защитника по назначению иной, он связан с реализацией положений ч. 2 ст. 50 УПК РФ, а также ч. 1 ст. 51 УПК РФ, предусматривающих прямую обязанность государства обеспечить в соответствующих ситуациях участие в деле адвоката-защитника.

Такое назначение осуществляется в рамках регламентации, содержащейся в Порядке назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденном решением Совета ФПА РФ от 15.03.2019 г. [60]

Как следует из содержания ч. 1 ст. 51 УПК РФ, обязательного участия защитника требуют ситуации, связанные с отсутствием отказа подозреваемого или обвиняемого от защитника, или связанные с необходимостью создания дополнительных гарантий защиты законных интересов данного лица.

Такая необходимость может обуславливаться:

- факторами, которые ставят подозреваемого, или обвиняемого в заведомо уязвимое положение перед лицом властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности (в силу несовершеннолетнего возраста, отсутствия знаний языка, на котором осуществляется уголовное судопроизводство, наличия физических или психических недостатков (п. 2, 3, 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ);
- тяжестью инкриминируемого преступления (п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ);
- специфическими условиями судебного разбирательства (п. п. 3.1, 6-8 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

В данных ситуациях государство берёт на себя обязанность создать дополнительные гарантии.

Оплата услуг защитника по приглашению осуществляется в соответствии с размером, обозначенными в соглашении, в то время как защита по назначению является бесплатной для подозреваемого или обвиняемого. Бремя выплаты принимает на себя государство, определяя соответствующие нормативы таковой в специальном Постановлении Правительства от 01.12.2012 г. № 1240 [65].

Данная особенность, позволяющая воспользоваться помощью защитника на безвозмездной для подозреваемого или обвиняемого основе, является важнейшей процессуальной гарантией доступности

квалифицированной юридической помощи каждому, независимо от материального положения и благосостояния.

В этой связи очень сложно переоценить значение возможности участия защитника по назначению. Рассматриваемое право базируется на положениях ряда международно-правовых документов.

В частности, п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает право обвиняемого: «защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия» [28]

В п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах обозначено сходное по формулировке право обвиняемого: «быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника» [41].

Внимание международного сообщества к данному вопросу предопределяет важность его включения в российское уголовно-процессуальное законодательство.

Непосредственное вступление в дело защитника по назначению происходит аналогично – посредством предъявления лицу, в производстве которого находится уголовное дело, ордера, выданного адвокату на основании поручения в порядке назначения на оказание юридической помощи и адвокатского удостоверения.

Таким образом, документы, в соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, аналогичны как для защитника по приглашению, так и для защитника по назначению, разница усматривается лишь в основании выдачи ордера: в первом случае это соглашение с доверителем, а во втором – поручение в

порядке назначения на оказание юридической помощи, исходящее от адвокатской палаты.

Также стоит отметить, что до 2017 года законодатель определял вступление защитника в дело специфическим образом, указывая, что защитник «допускается к участию в деле». Именно о допуске законодатель говорил в первоначальной редакции ч. 2 и ч. 4 ст. 49 УПК РФ. Затем данный подход был пересмотрен, ввиду несоответствия содержанию данной процедуры.

В соответствии с положениями ч. 6 ст. 49 УПК РФ: «Одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого».

Данное положение содержит в себе норму нравственно-этического содержания, предполагающую невозможность следовать интересам своих доверителей, когда таковые находятся в явном противоречии, что предопределяет фактическую неспособность адвоката в данных условиях оказать квалифицированную юридическую помощь доверителям в равной мере.

До изменений, внесённых Федеральным законом от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ [86], как резонно замечают специалисты, «участие адвоката в качестве защитника было обусловлено допуском, т.е. неким предварительным субъективным усмотрением государственного органа в лице должностного лица, что порождало ... ограничения права на защиту» [1, с. 217].

А.П. Рыжаков верно замечает, что «защитником лицо обычно становится не по воле следователя (дознателя и др.), суда (судьи), а по инициативе самого подозреваемого (обвиняемого и др.)» [72].

Сказанное позволяет констатировать целесообразность и оправданность внесённого изменения в существовавший ранее нормативный подход к процессуальному регулированию, что в полной мере основывается на чёткой гарантированности непосредственного участия защитника в уголовном судопроизводстве и отсутствии зависимости такового от субъективного

усмотрения должностных лиц, представляющих государство в уголовно-процессуальных отношениях.

2.2 Особенности участия защитника в досудебном производстве

Досудебное производство по уголовным делам начинается со стадии возбуждения уголовного дела и продолжается уже в стадии предварительного расследования.

Чем раньше квалифицированный адвокат-защитник возьмёт на себя обязанность оказывать помощь своему доверителю, тем выше потенциальная эффективность предпринимаемых им действий, направленных на его защиту.

Критерий для фактического определения момента, с которого такое вступление защитника в процесс возможно, был сформулирован уже более двадцати лет назад в п. 2 знакового Постановления Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова»: «По буквальному смыслу положений, закрепленных в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, - удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» [63].

Такого рода ограничения могут иметь место уже в ходе проверки сообщения о преступлении, осуществляемой в стадии возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 144 УПК РФ.

Так, непосредственно в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, законодатель предусмотрел возможность участия адвоката-защитника: «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса».

Как констатируется специалистами, «орган дознания, дознаватель, следователь обязаны допустить к лицу, в отношении которого проводятся соответствующие следственные и иные процессуальные действия, защитника. Защитник допускается с момента начала производства соответствующих следственных и иных процессуальных действий» [27, с. 135].

Несмотря на то, что уголовное дело ещё не возбуждено – лишь проводится проверка информации о преступлении, законодатель допускает в ходе такой проверки: «получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

С одной стороны, данный процессуальный ресурс имеет своим назначением сбор первичной информации, подтверждающей (или опровергающей) наличие признаков преступления, но с другой стороны, в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ содержится следующее: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве

доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса».

То есть, сторона обвинения может инициировать на данном этапе формирование доказательственной базы по пока ещё не возбуждённому уголовному делу.

Несмотря на декларированное законодателем равноправие сторон в уголовном судопроизводстве на любых его стадиях, фактически, в досудебном производстве превалируют правомочия стороны обвинения. Это справедливо как для стадии предварительного расследования, так и для стадии возбуждения уголовного дела – а именно деятельности, осуществляемой в ходе проверки сообщения о преступлении.

Как верно в связи с этим отмечается авторами, «правовое положение защитника в досудебном производстве, характеризующееся меньшими, в сравнении со следователем, процессуальными возможностями отстаивать (доказывать) свою правовую позицию, согласованную с подзащитным, не позволяет защитнику своевременно оградить своего подзащитного от необоснованного уголовного преследования» [39, с. 126].

Так, во время проведения доследственной проверки адвокат-защитник не имеет процессуальной возможности заявить ходатайство о совершении определенных процессуальных действий, представлять какие-либо доказательства невиновности своего подзащитного.

Например, адвокат-защитник не может ходатайствовать об опросе потенциального свидетеля – очевидца совершенного преступления, поскольку по смыслу ст. 119 УПК РФ адвокат может заявить ходатайство только по уголовному делу, которое на интересующий нас момент еще не возбуждено.

В случае принятия следователем или дознавателем решения о возбуждении уголовного дела, адвокат-защитник сможет уже полноценно включиться в процесс доказывания в интересах своего подзащитного, пользуясь всем спектром процессуальных правомочий, предусмотренных ст. 53 УПК РФ.

Как уже было отмечено, на уровне науки и правоприменительной практики закреплена позиция, в соответствии с которой невозможность осуществления защитником своих полномочий, закреплённых в ст. 53 УПК РФ, или же ограничение в реализации таковых, неизбежно влечёт нарушение конституционного права, обозначенного в ст. 48 Конституции РФ, что подчёркивает их важность.

В числе основных полномочий защитника в досудебном производстве следует назвать право иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания на условиях конфиденциальности и без ограничения таковых как по количеству, так и по их продолжительности (п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Реализация данного правомочия позволяет полноценно оказывать квалифицированную юридическую помощь своему подзащитному находящемуся под стражей – это логично, поскольку реализация такого правомочия в отношении доверителя, находящегося на свободе, не нуждается в каком-либо регулировании и реализуется на основе договорённости между адвокатом-защитником и его подзащитным.

В этой связи, очевидна важность данной процессуальной возможности, адресованной адвокату-защитнику лица, к которому применена мера пресечения, связанная с ограничением его свободы – в первую очередь, заключение под стражу.

Наедине и конфиденциально должны проходить все свидания защитника с подзащитным. Для этого в месте содержания подзащитного под стражей должны создаваться соответствующие условия, позволяющие соблюсти условие конфиденциальности.

Ключевым является требование, не позволяющее сотруднику места содержания под стражей слышать диалог заключённого под стражу и его защитника, при возможности осуществлять визуальный контроль за их диалогом.

Конфиденциальность беседы, как пишет М.Б. Смоленский, «подразумевает запрет на проведение оперативно-розыскных мероприятий

технического и иного характера в целях получения информации о содержании беседы» [76, с. 134].

Как указывает А.П. Рыжаков, «число и продолжительность свиданий следователь (дознатель и др.) не может ставить в зависимость от соблюдения или несоблюдения защитником, обвиняемым (подозреваемым и др.) каких бы то ни было не предусмотренных законом условий (правил, требований)» [74].

Однако, законодатель предусмотрел возможность применения следующего ограничения: «В случае необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого продолжительность свидания свыше 2 часов может быть ограничена дознавателем, следователем с обязательным предварительным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника. В любом случае продолжительность свидания не может быть менее 2 часов» (ч. 4 ст. 92 УПК РФ).

Данное организационное ограничение направлено на создание оптимального баланса между интересами подозреваемого и интересами следствия, ведь подозреваемый – кратковременный участник уголовно-процессуальной деятельности и, либо он достаточно быстро утрачивает свой статус, либо становится обвиняемым, что и обуславливает необходимость динамичного производства процессуальных действий с его участием. Таким образом, упомянутое ограничение видится обоснованным.

Несомненно, ключевыми и важными, относительно обеспечения эффективной защиты в досудебном производстве, являются правомочия защитника, связанные с доказыванием (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), привлечением специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), а также участием в следственных действиях, производимых с участием подзащитного, либо по его ходатайству, или ходатайству стороны защиты (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Именно эти полномочия составляют сердцевину деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве.

Право защитника собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ является одним из самых обсуждаемых.

Указывая на соответствующее правомочие защитника в п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, законодатель ссылается на ч. 3 ст. 86 УПК РФ, посвящённую собиранию доказательств в контексте осуществления доказывания в уголовном процессе. В данной норме перечислены те способы, посредством которых данное правомочие может быть реализовано:

- получения предметов, документов и иных сведений;
- опроса лиц с их согласия;
- истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Право адвоката-защитника привлекать специалиста, представляет собой форму активного участия защитника в процессе доказывания в интересах подзащитного.

Специалист отнесён законодателем к разряду «иных участников уголовного судопроизводства», обладающих, так называемыми, специальными знаниями, использование которых в процессе расследования и дальнейшего разрешения уголовного дела по существу преследует цель восполнить отсутствие, или же явную нехватку такого рода знаний у участников уголовно-процессуальной деятельности, обладающих властными полномочиями.

В этой связи защитник вправе обратиться к сведущему лицу, обладающему именно теми специальными знаниями, которые необходимы в конкретном уголовном деле, исходя из его специфики. Свои суждения, имеющие значение для данного дела, специалист оформляет в виде заключения специалиста, обозначенного в п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве

уголовно-процессуального доказательства, наряду с показаниями рассматриваемого субъекта уголовного судопроизводства.

Значение заключения специалиста, вовлекаемого в производство по делу адвокатом-защитником сложно переоценить – альтернативное профессиональное мнение способно обратить внимание следователя или дознавателя на аспекты, требующие уточнения путём назначения судебной экспертизы.

Более того, исходя из содержания ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист может помочь корректно сформулировать вопросы, адресуемые эксперту. Также суждения, сформулированные в письменном виде специалистом в рамках своего заключения способны поставить под сомнения результаты уже проведённой судебной экспертизы, стать основой для инициации повторной судебной экспертизы и т.д.

Но данное заключение не способно «автоматически» войти в материалы уголовного дела, поскольку у адвоката-защитника нет на то соответствующих властных полномочий, которыми в досудебном производстве обладает следователь или дознаватель.

Именно к тому субъекту, в производстве которого находится данное уголовное дело, и должен обратиться адвокат-защитник с соответствующим ходатайством.

Данное положение содержит требование обязательного удовлетворения ходатайства стороны защиты о приобщении к материалам дела заключения специалиста в качестве уголовно-процессуального доказательства, но с оговоркой: если обстоятельства, об установлении которых заявляется соответствующее ходатайство, «имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

Соответственно, если следователь, или дознаватель, обладая процессуальной самостоятельностью, сочтут, что содержание данного заключения специалиста не имеет значения для расследуемого уголовного дела, ходатайство защитника может остаться без удовлетворения.

В данном случае мы можем наблюдать определённую декларативность процессуального равноправия сторон в досудебном производстве. Со всей очевидностью, превалируют правомочия стороны обвинения, обладающей всем спектром властных полномочий. С другой стороны, такое неравенство в определённой мере компенсируется возложенной на сторону обвинения обязанности доказывания, в то время, как в силу презумпции невиновности на стороне защиты такая обязанность не лежит.

Отдельные учёные констатируют необходимость «изменения подходов к оценке процессуальной деятельности, связанной с концептуальным изменением функционального построения досудебного производства. Только в этом случае следователь как субъект всестороннего, полного, объективного исследования фактических обстоятельств совершенного преступления вынужден будет собирать и обвинительные, и оправдательные доказательства» [39, с. 127].

Но в настоящее время нейтрализовать противодействие стороны обвинения, относительно удовлетворения вышеназванного ходатайства, адвокат-защитник может уже в судебном производстве, заявив ходатайство о вызове и допросе данного специалиста в судебном заседании. В соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ, данное ходатайство суд удовлетворить обязан.

Можно констатировать, что наличие предусмотренной законодателем возможности адвоката-защитника вовлечь в уголовное судопроизводство по своей инициативе и в интересах своего подзащитного специалиста, является важным ресурсом для активного участия в доказывании.

Результативность такой работы защитника, к сожалению, объективно ставится в зависимость от субъективного усмотрения, лица, в производстве которого находится уголовное дело. Для того, чтобы данное правомочие активно реализовывалось в досудебном производстве, помимо самой инициативы стороны защиты, необходимо также стремление следователя, или дознавателя к объективному установлению всех обстоятельств, связанных с преступлением – стремление объективно установить виновность конкретного

лица в его совершении, исключив необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. В этой связи, участие защитника в следственных действиях, производимых с участием подзащитного, либо по его ходатайству, или ходатайству стороны защиты (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) также можно в полной мере рассматривать, как активное участие адвоката-защитника в формировании доказательств, в соответствии с выбранной стратегией защиты, а также как форму контроля за законностью проведения соответствующих следственных действий.

По мнению В.А. Лазаревой, «участие адвоката в проводимых официальными органами действиях выступает эффективным средством контроля законности их проведения и тем самым гарантирует допустимость получаемых в ходе этой деятельности доказательств. Поэтому чем больше у адвоката возможностей участвовать в процессуальной деятельности органов расследования, тем законнее, а следовательно, эффективнее оказывается эта деятельность» [34, с. 23].

Это действительно так, поскольку участие в производстве следственных действий защитника, обладающего профессиональными знаниями соответствующих процессуальных норм, которых, как правило, лишён подзащитный, позволяет «дисциплинировать» сторону обвинения, подвигнуть чёткому следованию процедуре производства конкретного следственного действия во избежание негативных итогов в виде признания полученных с нарушением требований УПК РФ доказательств недопустимыми, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

В конечном итоге, критический анализ хода и результатов производства следственного действия со стороны защитника, способствует объективизации

результатов расследования, созданию дополнительных гарантий его законности.

«Поскольку категорического требования участия в каждом процессуальном действии закон не содержит, следует признать, что этот вопрос решается обвиняемым и защитником по согласованию между ними» [33, с. 191] – резюмирует по данному вопросу В.А. Лазарева.

Соответственно, участие адвоката-защитника в конкретных процессуальных действиях носит диспозитивный характер.

С вышеназванным правом защитника органично сочетается право знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому (п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

По мнению А.П. Рыжакова, данное правомочие предполагает обязанность должностного лица, осуществляющего расследование преступления, «предоставить защитнику возможность, по крайней мере один раз, осмотреть и прочитать как весь текст названного процессуального документа, вынесенного в отношении его подзащитного, в целом, так и все элементы, его составляющие. Причем, когда речь идет о протоколе следственного действия и некоторых иных документах, защитник вправе единожды ознакомиться не только с их письменной частью, но и со всеми приложениями к таковым» [74].

Однако, как указывает Конституционный Суд РФ в одном из своих определений, «форма и порядок ознакомления с необходимыми материалами дела избираются ... в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны, негативные последствия для дальнейшего хода предварительного расследования, а также нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [55].

Когда предварительное расследование завершено и все собранные доказательства сформированы, обвиняемому и его защитнику предоставляется крайне важное для формирования целостной и конечной стратегии защиты, право ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, в соответствии со ст. 217 УПК РФ.

Равно, как и при ознакомлении с процессуальными документами, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ознакомление с материалами уголовного дела даёт возможность защитнику выявить процессуальные нарушения, допущенные стороной обвинения, что следует рассматривать в качестве необходимой основы эффективной подготовки к участию в судебных стадиях процесса.

Ознакомление предполагает не только возможность прочтения документов, входящих в прошитые и пронумерованные материалы уголовного дела и визуальный обзор доказательств, но и возможность делать любые выписки из материалов уголовного дела, а также снимать копии с помощью современных технических средств.

Отдельные авторы, рассуждая о данном праве стороны защиты, замечают, что «обязанность раскрывать свои доказательства лежит только на стороне обвинения (точнее – на государственных органах и должностных лицах, осуществляющих публичное уголовное преследование), тогда как защита вправе представлять свои доказательства непосредственно в ходе судебного разбирательства без предварительного ознакомления с ними стороны обвинения» [14, с. 22].

В этой связи следует критически отнестись к высказываемым мнениям, относительно необходимости ограничить сторону защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела.

Одни специалисты считают, что «сторону защиты достаточно знакомить только с определенным перечнем документов, позволяющих оценить допустимость тех или иных доказательств, а также документов, содержащих доказательства, которые не могут быть непосредственно исследованы в суде»

[77, с. 41], а другие идут в своих рассуждениях ещё дальше, предлагая ознакомливать сторону защиты только с «обвинительным заключением лишь в той части, которая не разглашает тайну предварительного расследования» [42, с. 27].

Тем не менее, такие предложения беспочвенны и основаны на неверной авторской интерпретации процессуального положения обвиняемого. Сторона обвинения обладает обширными инструментами процессуального принуждения, в то время, как обвиняемый всегда находится в более уязвимом положении, что и диктует необходимость уравнивание процессуальных возможностей через отдельные процессуальные правомочия.

Поэтому данное правомочие, адресованное как обвиняемому, так и его защитнику, должно сохраняться в нормах действующего УПК РФ.

Одной из самых обсуждаемых в данном контексте является проблема затягивания стороной защиты срока ознакомления с материалами уголовного дела. Как пишут специалисты, «несмотря на то что законодатель предпринял все меры, направленные на то, чтобы решить данную проблему, она остается актуальной и в настоящее время» [12, с. 35].

Процессуальный срок ознакомления в рамках ст. 217 УПК РФ не регламентирован, что создаёт режим благоприятствования стороне защиты, диспозитивный по своему характеру.

Однако, в случае явного затягивания времени ознакомления, сторона защиты может быть ограничена в обозначенном праве, в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ, путём установления конкретного срока ознакомления судом.

Категория «явное затягивание» является оценочной и суд вынужден в каждой конкретной ситуации разбираться, подтверждается ли фактическими данными такой вывод стороны обвинения. Подобные действия со стороны защитника и его подзащитного следует расценивать как злоупотребление процессуальным правом, имеющим цель добиться необоснованного продления процессуальных сроков по делу.

В современных реалиях, учитывая развитие информационных технологий, вполне возможно создать эффективное препятствие для злоупотреблений такого рода.

Так, современные технологии позволяют производить оцифровку материалов уголовных дел в целях передачи стороне защиты для ознакомления. Подобный современный формат позволит избежать ненужных временных затрат. Как верно отмечает Н.А. Колоколов, «упразднив громоздкую процедуру чтения многотомного дела, составления от руки выписок из него, мы трансформируем сложную работу следователя по ознакомлению обвиняемого с материалами уголовного дела в простую и формальную передачу ему электронной копии документов. Технических проблем чтения таких копий нет» [26, с. 4].

При этом, идентичность скан-версии документов всегда можно проверить, обратившись к оригиналу.

Полноценное ознакомление со всеми сведениями, фигурирующими в уголовном деле, есть залог обоснованной корректировки стратегии защиты и повышения её эффективности ввиду полноценного информирования о тех доказательствах, которыми располагает сторона обвинения.

Следует поддержать высказываемые в уголовно-процессуальной науке предложения предоставить адвокату-защитнику возможность составления по итогам ознакомления с материалами уголовного дела, так называемого «защитительного заключения», выступающего содержательным аналогом обвинительного заключения, но с противоположным значением. Таковое, на условиях состязательности, противопоставлялось бы обвинительному заключению, позволяя содержательно, системно и логично изложить позицию стороны защиты и представить её суду.

Подобное предложение было озвучено ещё в советский период Г.Д. Побегайло, которая обосновывала идею о том, что «следовало бы возложить на защитника обязанность после ознакомления с материалами

оконченного следствия составлять защитительное заключение и представлять его суду» [57, с. 132].

Тем не менее, в свете демократических состязательных начал современного российского уголовного судопроизводства и, в частности, принципа презумпции невиновности, формулировать данный институт в качестве вменённой защитнику обязанности, не корректно.

Однако, создать такую процессуальную возможность на добровольной основе, как составляющую оказания квалифицированной юридической помощи, расширяющую право обвиняемого на защиту, вполне возможно.

Так, И.Л. Трунов ещё около двадцати лет назад, предложил ввести норму о наделении защитника правом представлять защитительное заключение «в суд с обязательной процедурой вручения заинтересованным сторонам и публичного оглашения в начале судебного следствия, имеющее справочное значение для суда наравне и в порядке, предусмотренном для обвинительного заключения» [83, с. 28].

Данное предложение сохраняет свою актуальность и в современных реалиях. Подобное систематизированное, упорядоченное и конструктивное изложение суждений и выводов адвоката-защитника, охватывающее как фактическую, так и юридическую стороны конкретного уголовного дела, могло бы послужить на благо объективизации результатов расследования, минимизации обвинительного уклона на том этапе, когда сформулированные выводы сторон по делу представляются к рассмотрению независимому и беспристрастному суду.

Права защитника заявлять ходатайства и отводы, предусмотренное п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ следует рассматривать как важное средство достижения поставленных задач защиты через волеизъявление властных участников процесса.

Данное правомочие органично дополнено правом приносить жалобы на действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, предусмотренным п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Реализация

такого правомочия выступает адекватным способом реагирования на несоответствующее нормативным требованиям поведение субъектов уголовно-процессуальной деятельности в целях эффективной защиты прав и законных интересов своего подзащитного.

Свобода обжалования процессуальных действий, как справедливо отмечает Н.Г. Муратова, «олицетворяет собой начало реализации новых принципов уголовного судопроизводства. Это проявляется в том, что можно обжаловать любое действие или решение должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, использовать все правовые способы защиты нарушенных прав и законных интересов и в установленном порядке восстановить их» [45, с. 130].

Таким образом, адвокат-защитник наделён необходимым и достаточным объёмом правомочий для эффективной реализации своего предназначения в досудебном производстве.

Профессиональное обращение к процессуальному инструментарию, обозначенному в ст. 53 УПК РФ, а также иных взаимосвязанных нормах, позволяет адвокату-защитнику осуществлять качественную и полноценную защиту законных прав и интересов подзащитного, создавая предпосылки для эффективной защиты уже в судебных стадиях уголовного процесса.

2.3 Особенности участия защитника в судебном производстве

Как представляется, именно в судебном производстве, в условиях состязательности и процессуального равноправия сторон, защитник может в полной мере реализовать свою профессиональную роль в интересах доверителя, рассчитывая на объективность и беспристрастность суда, играющего ведущую роль на соответствующей стадии уголовного процесса.

В контексте участия защитника в судебном производстве, обратимся к упомянутой ранее возможности участие в качестве защитника иного лица, не обладающего статусом адвоката.

Данная процессуальная возможность может быть реализована в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ исключительно в рамках судебного производстве на основании ходатайства обвиняемого, удовлетворённого судом и только в случае, когда дело рассматривается мировым судьёй, или (для любого другого суда), когда в деле уже принимает участие адвокат-защитник – наряду с ним.

При этом, важно помнить, что удовлетворения соответствующего ходатайства обвиняемого судом не является обязательным. Это создаёт основу для складывающейся на протяжении многих лет широкой практики отказа в удовлетворении подобных ходатайств, несмотря на то, что в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Определениях от 11.07.2006 г. № 268-О [50], от 15.11.2007 г. № 928-О-О [51], от 18.12.2007 г. № 917-О [52], отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться закрепленным в ч. 2 ст. 49 УПК РФ способом защиты свидетельствует об ограничении гарантируемого ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации права и может иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований, в том числе предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу.

Тем не менее, при рассмотрении уголовных дел районными судами, ходатайства о привлечении в качестве защитника «иного лица», часто оставляют без удовлетворения.

Так, Московский городской суд отметил: «суд первой инстанции обоснованно и мотивированно отклонил ходатайство Л. о допуске в качестве защитника его жены. Согласно ч. 2 ст. 49 УПК РФ допуск в качестве защитника наряду с адвокатом еще одного из близких родственников обвиняемого или иного лица является правом, а не обязанностью суда. В суде Л. был обеспечен надлежащей защитой в лице адвоката В.» [3]

Иногда причиной отклонения вышеназванных ходатайств выступает отсутствие у иного лица специальных юридических знаний: «довод

осужденного о том, что отказ суда допустить к участию в деле в качестве общественного защитника Ж. нарушил его право на защиту, является несостоятельным, поскольку, как пояснил сам осужденный, Ж. не имеет юридического образования, что необходимо для оказания квалифицированной юридической помощи. Кроме того, в суде защиту интересов осужденного осуществлял адвокат» [6].

Но и тогда, когда иное лицо, не имеющее статуса адвоката, таковыми знаниями обладает, суды в качестве довода для отклонения ходатайства указывают на отсутствие у потенциального созащитника, практики в защите по уголовным делам: «несмотря на наличие юридического образования, К. не обладает необходимыми профессиональными навыками и не имеет соответствующего опыта участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, что вызовет затруднения для его участия в судебном заседании» [5].

Таким образом, сохраняет актуальность замечание В.Л. Кудрявцева, сделанное около 20 лет назад: «возможность допуска в качестве защитников иных, помимо адвокатов, избранных самим обвиняемым лиц или, иначе, лиц, не являющихся профессиональными адвокатами, при условии обеспечения каждому обвиняемому (подозреваемому) права на получение квалифицированной юридической помощи в законодательстве пока носит декларативный характер» [30, с. 38].

Из анализа данных судебных решений очевидна устойчивая практика исключения «иных лиц» из участия в судебном разбирательстве, что в ряде случаев позволяет с уверенностью констатировать нарушение судами права на защиту.

По какой-то причине не оказало существенного влияния на правоприменительную практику по данному вопросу и принятое около 10 лет назад Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [64].

В соответствии с позицией Пленума ВС РФ, суду, разрешающему ходатайство, заявленное в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ, следует «учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу» (п. 11 Постановления).

Как можно заметить, суды даже не утруждают себя внятной мотивировкой отклонения ходатайства, а в ряде случаев таковая выглядит абсурдно.

Именно на этот аспект обратил своё внимание Верховный Суд РФ: «ссылка суда на недопустимость участия названного лица в судебном заседании лишь на том основании, что в деле участвует профессиональный адвокат, противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ, которая содержит прямое указание на то, что эти лица могут быть допущены к участию в деле наряду с адвокатом» [56].

Поэтому вполне закономерно, что судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ усмотрела в этом нарушение права осужденного на защиту, что повлекло отмену приговора.

Некоторые авторы, например, А.А. Давлетов, считают, что судам, при разрешении вышеназванного ходатайства следует учитывать профессиональные качества лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый: «привлекаемое к защите лицо должно обладать глубокими познаниями в той сфере общественной жизни, в которой совершено преступление. Такой уровень знаний позволяет усилить профессиональную защиту адвокатов и в итоге способствует более полному установлению обстоятельств уголовного дела» [13, с. 17].

Далее в своих рассуждениях автор приходит к выводу, что усилению работы адвоката-защитника, который уже есть в деле, «иное лицо» может лишь в том случае, если это высококвалифицированные юрист, или же

профессионалы в той области социальной жизни, в которой совершено преступление [13, с. 17].

Если сформулировать вывод автора в общем виде, то удовлетворение ходатайства судом в обозначенной ситуации должно содействовать интересам защиты, быть полезным, усиливать реализацию права обвиняемого на защиту и т.д.

Но это не обязательно должно сводиться к профессиональной компетенции «инога лица», или его обширному опыту в соответствующей сфере.

Есть мнение, с которым можно согласиться, что «такие лица привлекаются не для оказания квалифицированной юридической помощи, обеспечиваемой участием защитника-адвоката, а для обеспечения наиболее эффективной защиты обвиняемого в силу особо доверительных отношений с самим обвиняемым» [19, с. 6].

Судам, разрешая ходатайства о привлечении лица без статуса адвоката в качестве созащитника, следует перестать относиться к вопросу формально, рассматривая это желание обвиняемого, как нечто, не имеющее практической необходимости – как то, от чего можно отмахнуться.

Судам следует внимательно оценивать доводы обвиняемых и удовлетворять данные ходатайства во всех случаях, когда:

- есть фактическая возможность привлечь такое лицо в качестве созащитника;
- отсутствуют препятствия, предусмотренные ст. 72 УПК РФ.

То есть, должна начать формироваться диспозитивная практика следования воле обвиняемого тогда, когда нет очевидных процессуальных препятствий или иных значимых причин такое ходатайство отклонить.

Но по общему правилу защитником в судебном производстве всё же выступает именно адвокат, обладающий необходимой компетенцией и квалификацией.

К числу правомочий защитника прямо и непосредственно относимых к судебным стадиям уголовного судопроизводства, относится правомочие участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

В число общих условий судебного разбирательства, обозначенных в одноименной главе 35 УПК РФ, законодатель включил ст. 248 УПК РФ, посвящённую непосредственному участию защитника в судебном производстве.

В соответствии с указанной процессуальной нормой, защитник действительно наделяется законодателем адекватным объёмом правомочий в судебном производстве.

Так, как указывается специалистами, «он имеет право представлять суду доказательства и участвовать в их исследовании: первым допрашивать подсудимого; задавать вопросы потерпевшему и свидетелям, эксперту; представлять вопросы эксперту при проведении экспертизы в суде; обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с осмотром вещественных доказательств, места происшествия и т.д.» [27, с. 725]

Инструментами же активного участия защитника в судебном разбирательстве в условиях состязательности выступает процессуальная возможность заявления ходатайств (например, об истребовании определённых доказательств, об изменении доверителю ранее избранной меры пресечения), отводов и обжалования действий (бездействия) и решений властных участников уголовно-процессуальной деятельности.

Также следует отметить, что в подготовительной части судебного заседания, в соответствии с положениями ст. 271 УПК РФ, адвокат-защитник вправе заявить ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ.

Данные ходатайства, как отмечается в комментариях, «рассматриваются и разрешаются судом, при этом, что примечательно, в соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ, ходатайство защитника о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, подлежит обязательному удовлетворению» [27, с. 620].

Непосредственное участие защитника в судебном доказывании происходит в судебном следствии, определяемом как «этап судебного разбирательства, в ходе которого стороны последовательно излагают свою позицию по существу уголовного дела и доказывают ее путем представления доказательств и их проверки при участии суда» [75, с. 405].

Здесь защитник может достаточно активно, не встречая противодействие со стороны обвинения, находящейся перед судом в аналогичном процессуальном положении, что и сторона защиты, участвовать в судебном доказывании на условиях полноценной состязательности, а также презумпции невиновности подзащитного, определяющей, в том числе, распределение бремени доказывания.

О процессуальной регламентации прений сторон законодатель ведёт речь в достаточно краткой по своему содержанию главе 38 УПК РФ. В ст. 292 УПК РФ обозначено содержание прений сторон и тот порядок, который прения предусматривают.

В частности, в ч. 1 ст. 292 УПК РФ указывается, что «прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника».

«Выступая в судебных прениях, защитник излагает свое мнение по существу предъявленного его доверителю обвинения, его доказанности с учетом исследованных судом в рамках судебного следствия доказательств» [27, с. 622] – верно отмечается авторами.

Также адвокат-защитник, в соответствии с избранной стратегией защиты, может высказывать свои суждения относительно переквалификации действий подзащитного, указывать на наличие смягчающих обстоятельств и т.д.

Как верно указывает А.А. Березин, конкретный «объем и содержание речи в прениях сторон, разумеется, должен определять адвокат, осуществляющий защиту по уголовному делу. Тем не менее в любом случае речь на прениях сторон целесообразнее выстраивать следующим образом: сначала следует высказать обоснованные возражения по всем ключевым, по мнению адвоката, моментам из речи обвинителя, поскольку для слухового восприятия это наиболее приемлемо. Затем необходимо проанализировать все доказательства, на которые ссылается сторона обвинения, на предмет их относимости, допустимости и достаточности для безусловного признания виновным в предъявленном обвинении, таким доказательствам требуется дать критическую оценку» [7, с. 148].

С данным авторским выводом следует согласиться, поскольку содержательная сторона защиты и используемых для этого средств и способов является в значительной мере «творческим» процессом, построенным на профессионализме конкретного адвоката-защитника: его знаниях, опыте и профессиональном видении ситуации.

По итогам второй главы исследования можно сформулировать следующие выводы.

Несомненно, ключевыми и важными, относительно обеспечения эффективной защиты в досудебном производстве, являются правомочия защитника, связанные с доказыванием, привлечением специалиста, а также участием в следственных действиях. Именно эти полномочия составляют сердцевину деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве.

Можно констатировать, что наличие предусмотренной законодателем возможности адвоката-защитника вовлечь в уголовное судопроизводство по своей инициативе и в интересах своего подзащитного специалиста, является важным ресурсом для активного участия в доказывании.

Результативность такой работы защитника, к сожалению, объективно ставится в зависимость от субъективного усмотрения, лица, в производстве которого находится уголовное дело. Для того, чтобы данное правомочие

активно реализовывалось в досудебном производстве, помимо самой инициативы стороны защиты, необходимо также стремление следователя, или дознавателя к объективному установлению всех обстоятельств, связанных с преступлением – стремление объективно установить виновность конкретного лица в его совершении, исключив необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Участие защитника в следственных действиях, производимых с участием подзащитного, либо по его ходатайству, или ходатайству стороны защиты (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) позволяет «дисциплинировать» сторону обвинения, подвинуть чёткому следованию процедуре производства конкретного следственного действия во избежание негативных итогов в виде признания полученных с нарушением требований УПК РФ доказательств недопустимыми, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

В конечном итоге, критический анализ хода и результатов производства следственного действия с участием подозреваемого или обвиняемого, со стороны защитника, способствует объективизации результатов расследования, созданию дополнительных гарантий его законности.

Следует критически отнестись к высказываемым мнениям, относительно необходимости ограничить сторону защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ. Такие предложения беспочвенны и основаны на неверной авторской интерпретации процессуального положения обвиняемого. Сторона обвинения обладает обширными инструментами процессуального принуждения, в то время, как обвиняемый всегда находится в более уязвимом положении, что и диктует необходимость уравнивание процессуальных возможностей через отдельные процессуальные правомочия.

В современных реалиях, учитывая развитие информационных технологий, в контексте возможного затягивания стороной защиты срока такого ознакомления с материалами уголовного дела, вполне возможно создать эффективное препятствие для злоупотреблений такого рода. Так,

современные технологии позволяют производить оцифровку материалов уголовных дел в целях передачи стороне защиты для ознакомления.

Следует поддержать высказываемые в уголовно-процессуальной науке предложения предоставить адвокату-защитнику возможность составления по итогам ознакомления с материалами уголовного дела, так называемого «защитительного заключения».

Подобное систематизированное, упорядоченное и конструктивное изложение суждений и выводов адвоката-защитника, охватывающее как фактическую, так и юридическую стороны конкретного уголовного дела, могло бы послужить на благо объективизации результатов расследования, минимизации обвинительного уклона на том этапе, когда сформулированные выводы сторон по делу представляются к рассмотрению независимому и беспристрастному суду.

Таким образом, адвокат-защитник наделён необходимым и достаточным объёмом правомочий для эффективной реализации своего предназначения в досудебном производстве. Профессиональное обращение к процессуальному инструментарию, обозначенному в ст. 53 УПК РФ, а также иных взаимосвязанных нормах, позволяет адвокату-защитнику осуществлять качественную и полноценную защиту законных прав и интересов подзащитного, создавая предпосылки для эффективной защиты уже в судебных стадиях уголовного процесса.

Анализ судебных решений, касающихся допуска в качестве защитника лиц, не имеющих статус адвоката, очевидна устойчивая практика исключения таковых из участия в судебном разбирательстве, что в ряде случаев позволяет с уверенностью констатировать нарушение судами права на защиту.

Как можно заметить, суды даже не утруждают себя внятной мотивировкой отклонения ходатайства, а в ряде случаев таковая выглядит абсурдно.

Судам, разрешая ходатайства о привлечении данных лиц в качестве созащитника, следует перестать относиться к вопросу формально,

рассматривая это желание обвиняемого, как нечто, не имеющее практической необходимости – как то, от чего можно отмахнуться. Должна начать формироваться диспозитивная практика следования воле обвиняемого тогда, когда нет очевидных процессуальных препятствий или иных значимых причин такое ходатайство отклонить.

Но по общему правилу защитником в судебном производстве всё же выступает именно адвокат, обладающий необходимой компетенцией и квалификацией.

Именно в судебном производстве, где защитник действительно наделяется законодателем адекватным объёмом правомочий, в условиях состязательности и процессуального равноправия сторон, защитник может в полной мере реализовать свою профессиональную роль в интересах доверителя, рассчитывая на объективность и беспристрастность суда, играющего ведущую роль на соответствующей стадии уголовного процесса.

Инструментами же активного участия защитника в судебном разбирательстве в условиях состязательности выступает процессуальная возможность заявления ходатайств, отводов и обжалования действий (бездействия) и решений властных участников уголовно-процессуальной деятельности.

Глава 3 Проблемные вопросы участия защитника в современном уголовном судопроизводстве

3.1 Проблемы практической деятельности защитника в уголовном судопроизводстве

Практика осуществления защиты по уголовным делам сталкивается с самыми разными вопросами и проблемными аспектами, диктующими необходимость научно-практического осмысления и принятия соответствующих мер, направленных на совершенствование существующего правоприменения.

Достаточный интерес представляет вопрос регулирования местонахождения подсудимого и его защитника в ходе судебного разбирательства.

Отечественная правоприменительная практика традиционно предусматривает определение для подсудимого во время судебного заседания специального места, в определённой мере изолирующего его от остальной части судебной аудитории и его защитника. Речь идёт о так называемых «клетках» (местах, огороженных решётками), или более современных модификациях таких мест – светопрозрачных модульных кабинах («аквариумах»).

Тем не менее, данная практика встречала и продолжает встречать неоднозначное отношение, вызывая дискуссии. Суть данных дискуссий состоит в определении целесообразности такого размещения и возможности оценивать его, как недопустимое обращение с лицом, на которое направлено уголовное преследование.

В основе подобных дискуссий лежит ряд решений Европейского суда по правам человека, в рамках которых констатируется, что помещение подсудимых внутрь таких конструкций унижает их человеческое достоинство, что нарушает ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод,

которая гласит: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» [28].

В данной связи следует упомянуть Дело «Свинаренко и Сляднев против России» от 17.07.2014 г. [61] и Дело «Ковязин и другие против России» от 17.09.2015 г. [62]

Данная практика обусловила инициацию законопроекта от 14.11.2018 г. № 587542-7 [20] предполагающего внесение изменений в действующий УПК РФ, с целью гуманизации отношения к подсудимым, подозреваемым и обвиняемым в ходе судебных заседаний.

Тем не менее, данный законопроект не был реализован, встретив множество обоснованных замечаний. Так, подвергнута критике сама возможность установления безусловного запрета на использование защитных кабин, с учётом требований безопасности проведения судебных заседаний.

Авторам законопроекта было предложено сохранить возможность обоснованного применения подобных ограничительных мер, исключив лишь формальное, необоснованное применение на практике. Однако, сделанные замечания не были устранены.

Примечательно, что на уровне УПК РФ применение ограничительных мер в виде помещения подсудимого в защитную кабину не предусматривается, равно, как и обязательность оснащения залов судебных заседаний подобными кабинами, что несколько выводит данную правоприменительную практику за границы уголовно-процессуального регулирования.

Как отмечает в своей работе М.А. Жадяева, «нахождение подсудимого в клетке затрудняет его общение с защитником, следовательно, подсудимый не может в полной мере общаться с адвокатом и, соответственно, реализовывать свое право на получение квалифицированной юридической помощи. Кроме того, такая изоляция подсудимого отделяет его и от других участников процесса, что ставит в неравное положение с ними. Имеет место и психологический момент, который состоит в том, что использование клеток

заранее настраивает участников уголовного процесса против подсудимого» [16, с. 46].

Подобные доводы, конечно же, нельзя признать неубедительными, хотя бы от части. Вполне очевидно, что нахождение подсудимого за металлическими прутьями кабины, способно оказывать хотя бы минимальное негативное воздействие как на самого подсудимого, так и на аудиторию в зале суда, создавая предпосылки восприятия его, как представляющего опасность и заведомо виновного в инкриминируемом деянии. С подобной позиции, существующая практика размещения подсудимых вступает в противоречие с идеями презумпции невиновности.

Тем не менее, несмотря на наличие соответствующих позиций на уровне Европейского суда по правам человека, в российской судебной практике существуют иные подходы.

Многочисленные попытки различных граждан взыскать возмещение морального вреда за причинённые нравственные страдания в связи с нахождением за металлическими заградительными решётками в зале суда не встречают удовлетворения подобных требований. Суды не расценивают сам факт помещения лица в анализируемые условия в зале суда, как нарушение положений ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Так, Московский городской суд в апелляционном определении указал, что «истцом не представлено доказательств, подтверждающих, что условия нахождения истца в металлической клетке в зале судебных заседаний представляет собой обращение, выходящее за пределы минимального уровня суровости для целей применения ст. 3 Конвенции, что принимаемые меры по обеспечению безопасности в зале судебных заседаний являлись чрезмерными и могли обоснованно восприниматься истцом как унижающие достоинство» [4].

В другом апелляционном определении Алтайский краевой суд указал, что «достаточных и бесспорных доказательств того, что условия нахождения истца в металлической клетке в течение двух судебных заседаний

представляли собой обращение, выходящее за пределы минимального уровня суровости для целей применения ст. 3 Конвенции, и что принимаемые меры по обеспечению безопасности в зале судебных заседаний являлись чрезмерными и могли обоснованно восприниматься истцом как унижающие достоинство, в материалы дела не представлено» [2].

Аналогичная практика складывается и в более поздних судебных решениях, принятых в последние годы.

Так, Анапский городской суд Краснодарского края в своём решении от 23.03.2021 г. счёл, что «содержание истцов при рассмотрении уголовного дела в суде за металлическим ограждением не было чрезмерной мерой и не может расцениваться как унижающие честь и достоинство по смыслу ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку позволяло подсудимому сидеть, стоять, не ограничивало попадание кислорода, света и не препятствовало участию в судебном заседании» [68].

Следует признать верную логику построения данных решений: помещение подсудимого за оградительный барьер само по себе в отрыве от иных обстоятельств не может свидетельствовать о наличии унижающего его честь и достоинство обращения.

При этом, важным вопросом исследуемой проблемы, как представляется, является именно вопрос соблюдения права обвиняемого на защиту, возможность должным образом взаимодействовать с защитником в условиях нахождения за оградительным барьером, а не вопрос субъективного отношения к применению вышеназванных мер безопасности.

Таким образом, обсуждение данного вопроса сводится к двум основным тезисам: подсудимому не должны причиняться физические и моральные страдания свыше той степени, которая необходима для обеспечения безопасности. При этом, условия его нахождения в зале суда не должны препятствовать ему в осуществлении защиты, в том числе общению с адвокатом-защитником.

Соответственно, вряд ли может быть обоснованным нахождение любого подсудимого в зале суда в светопрозрачной модульной кабине или за металлическим ограждением – создание подобных ограничительных условий должно иметь внятное обоснование: обеспечение безопасности участников судебного разбирательства и (или) предупреждение совершения побега из зала суда. Во всех остальных случаях содержание обвиняемого в обозначенных условиях будет неоправданным.

Кроме того, как пишут специалисты, «практика свидетельствует, что в так называемых светопрозрачных модульных кабинах могут возникать проблемы со слышимостью» [16, с. 47].

Это ещё один довод в пользу использования подобных кабин лишь тогда, когда это вызвано практической необходимостью.

Резюмируя сказанное, следует предложить сохранить возможность размещения подсудимого во время судебного заседания за заградительным барьером, предусмотренным в зале суда, но при условии соответствующего обоснования применения данной меры безопасности. В качестве такого обоснования может иметь место квалификация инкриминируемого деяния (в частности, когда речь идёт об умышленных насильственных преступлениях против личности и т.д.), а также сведения о ранее допущенных со стороны подсудимого нарушениях, связанных с применённой к нему мерой пресечения и т.д.

Во всех остальных случаях, не требующих применения ограничительных мер, целесообразным является нахождение подсудимого во время судебного заседания вместе со своим защитником, что позволяет, с одной стороны, оперативно обсуждать в ходе процесса все необходимые вопросы, а с другой стороны, способствовать поддержанию доверительных отношений между защитником и его подзащитным.

Подобная практика имеет широкое распространение за рубежом, о чём пишут специалисты [98].

Интересным с практической точки зрения также видится вопрос о нахождении защитника относительно подзащитного в заседании при использовании системы видео-конференц-связи.

Соответствующие изменения были реализованы с принятием Федерального закона от 29.12.2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [87].

Как верно указывалось специалистами ещё на этапе последовательного включения в УПК РФ положений, связанных с регулированием использования систем видео-конференц-связи на разных стадиях уголовного процесса, благодаря применению видеоконференц-связи «сокращаются расходы лиц, связанные с проездом, проживанием на момент судебного разбирательства; судебные издержки» [17, с. 8].

Тем не менее, в науке не остаётся без внимания вопрос о том, что применение таких систем имеет как свои преимущества, так и очевидные недостатки. В частности, как пишет М.А. Жадяева, «при использовании систем видео-конференц-связи осужденный фактически не получает весь объем юридической помощи, которую мог бы оказать адвокат, находясь рядом с ним. Это проявляется и в возможности проконсультироваться до начала судебного заседания в части, например, дополнения своего выступления новыми данными, представления дополнительных материалов и др.» [16, с. 47].

Обсуждаемая возможность должна подкрепляться соответствующими гарантиями реализации права на защиту.

В качестве таких гарантий определены обязательность участия защитника (ч. 3 ст. 241.1 УПК РФ) и обеспечение возможности беспрепятственного конфиденциального общения защитника с подсудимым, содержащимся под стражей (ч. 9 ст. 241.1 УПК РФ).

Действующий УПК РФ не детализирует вопрос о местонахождении защитника во время судебного разбирательства с применением систем видео-конференц-связи.

С одной стороны, как указывается исследователями, «при нахождении вместе с подсудимым защитник ограничен в возможности приобщить документы, лично ознакомиться с документами, приобщаемыми другой стороной, осмотреть вещественные доказательства и т.д. При наличии таких ограничений и у подсудимого, участвующего в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, право стороны защиты принять участие в непосредственном исследовании доказательств может стать вовсе нереализованным. С другой стороны, при нахождении защитника непосредственно в судебном заседании затруднено его конфиденциальное общение с доверителем» [82, с. 247].

Возникает дилемма: получается, что в зависимости от тех, или иных обстоятельств, право на защиту при участии подсудимого в судебном заседании посредством видео-конференц-связи в любом случае может быть нарушенным.

Логичным и оправданным в аспекте непосредственного контакта адвоката-защитника и его доверителя является нахождение подзащитного и защитник на одной стороне применения системы конференц-связи, во всех случаях, когда это возможно и целесообразно, а судьи и остальных участников процесса – на другой. При этом, непосредственное решение данного вопроса в конкретной ситуации следует оставить за подзащитным и его защитником на диспозитивной основе.

Также следует помнить и о технической стороне вопроса: при организации видео-конференц-связи необходимо обеспечение высокого качества сигнала и отсутствие сбоев со стороны оборудования. Прерывание трансляции, ухудшение слышимости, искажение голоса и т.д. способны пагубно отразиться на содержательном и полноценном восприятии хода судебного заседания его участниками и создать препятствие для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Также, в любом случае, как верно отмечается специалистами, «должно быть обеспечено качество связи и предоставлено необходимое время для конфиденциального свидания защитника с подзащитным» [21, с. 23].

Пленум Верховного Суда РФ пояснил в своем Постановлении от 30.06.2015 г. № 29: «в тех случаях, когда участие обвиняемого в судебном разбирательстве обеспечивается путем использования систем видеоконференц-связи, суду в целях надлежащего обеспечения права обвиняемого пользоваться помощью защитника необходимо разъяснить ему право общения с защитником в отсутствие других участников судебного заседания и принять меры к обеспечению возможности такого общения» [64].

Однако, каким именно образом данная возможность может быть реализована на практике, в тексте Постановления не уточняется.

Как верно указывают Т.В. Трубникова и А.В. Грищенко, «при участии в судебном заседании опосредованно, в режиме видеоконференции, реализация права подсудимого на конфиденциальное общение с адвокатом затруднена» [82, с. 240].

Следует также согласиться с тем, что расширение возможностей по использованию цифровых технологий «способно положительно повлиять на развитие уголовно-процессуальной формы, обеспечив ее оптимизацию при усилении гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу» [10, с. 36].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что расширение возможностей, связанных с использованием современных технологий в уголовном судопроизводстве, несомненно положительный шаг законодателя в данном направлении. Однако, поспешная его реализация может внести дисбаланс в существующий процессуальный порядок и повлечь снижение гарантий защиты прав и свобод личности в уголовно-процессуальной сфере – в первую очередь гарантий реализации, права на защиту.

В нормах УПК РФ следует предусмотреть конкретные механизмы обеспечения беспрепятственного конфиденциального общения подзащитного

со своим защитником. Также необходимо усилить диспозитивное начало использования данных систем: участие подсудимого в судебном заседании с использованием такой технологии должно реализовываться лишь на основе его добровольного согласия – обратное может иметь место лишь в исключительных случаях и только при условии обеспечения вышеназванных процессуальных гарантий реализации права на защиту.

3.2 Проблемные аспекты участия защитника в доказывании

«Участие защитника в процессе доказывания – это, несомненно, и одно из лучших средств защиты прав и законных интересов подзащитного, и одна из гарантий полноты, всесторонности и объективности при установлении обстоятельств совершения конкретного преступления (необходимого, хотя и выведенного за пределы уголовно-процессуального законодательства требования)» [58, с. 49] – отмечается в науке.

Это утверждение, несомненно, верно, поскольку такое участие обуславливает познавательную активность защитника, наряду с познавательной активностью следователя, определяя два параллельных и не дублирующих друг друга пути уголовно-процессуального познания в рамках одного уголовного дела.

Как представляется, это номинально способствует усилению объективности и расширяет возможности достижения назначения уголовно-процессуального доказывания. Таким образом, защитник становится потенциально способным оказывать целенаправленное и существенное влияние на процесс доказывания в интересах своего доверителя.

Это влияние нельзя оценивать односторонне, как некое искусственное благоприятствование подозреваемому или обвиняемому, на что объективно обращают своё внимание и зарубежные исследователи [94].

При этом, деятельность, связанная с доказыванием, осуществляемая защитником по разным категориям уголовных дел, имеет свои различия, что также находит своё отражение в публикациях зарубежных авторов [99].

В существующем уголовно-процессуальном регулировании адвокат-защитник номинально наделён правом участвовать в доказывании, что прямо указано в п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, со ссылкой на ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в соответствии с которой «защитник собирает доказательства путём: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

Аналогичные возможности, направленные на участие в доказывании в интересах подзащитного, предусмотрены и в п. 3 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Данные правомочия, как верно отмечается в литературе, «позволяют защитнику определить наиболее эффективную стратегию защиты, основанную не на пассивном восприятии собранных следователем доказательств, а позицию критического осмысления того, что уже было собрано следователем, основанную на собственном видении ситуации, которая стала предметом исследования, на тех сведениях, которые оказались у защитника в распоряжении благодаря реализации названных полномочий» [58, с. 49].

Целенаправленность и активность адвоката, в следовании интересам своего подзащитного, является залогом действительно квалифицированной юридической помощи и профессионального отношения к принятым обязательствам, связанным с защитой доверителя.

Но относительно участия защитника в доказывании, В.В. Ясельская верно констатирует, что «законодатель предоставил определенные права защитнику, но не создал эффективных механизмов их реализации ... Несмотря

на большое значение данного права для собирания защитником сведений по уголовному делу и оказания квалифицированной юридической помощи, оно не гарантировано законом» [92, с. 35].

Рассматриваемую деятельность адвоката-защитника многие исследователи условно называют «адвокатским расследованием», подчёркивая тем самым сущностную составляющую доказательственной деятельности, предпринимаемой защитником.

Раскрывая содержание данного оборота, отдельные исследователи отмечают, что адвокатское расследование является «самостоятельным видом адвокатской деятельности, направленной на собирание универсальных доказательств любыми не противоречащими законодательству Российской Федерации способами» [24, с. 13].

«Участие защитника в процессе доказывания не только позволяет данному участнику уголовного судопроизводства быть не декоративной фигурой, призванной создавать видимость наличия гарантий по защите прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), но и обеспечивает ему возможность влияния на процесс доказывания» [58, с. 49] – верно констатируется исследователями.

Тем не менее, говорить о существовании отдельного, параллельного и полностью самостоятельного адвокатского расследования нельзя. Несмотря на наличие обозначенного выше правомочия, «защитник не является полноценным субъектом проверки и оценки доказательств, а значит не вправе сформировать доказательство в уголовно-процессуальном смысле, что следует из содержания ст. 87 и 88 УПК РФ, относящей к числу таких субъектов только лиц, наделённых властными полномочиями» [1, с. 135].

Как верно отмечал в своей работе С.А. Шейфер, «защитник по уголовному делу лишен возможности преобразования полученных сведений в процессуальную форму, то есть защитник по своей сути неправомошен сформировать доказательство» [91, с. 105].

Аналогичное заключение делает С.В. Заика, указывая, что «защитник фактически лишен права собирать доказательства, он имеет возможность собирать только информацию, которая может быть признана доказательством только после процессуальной проверки путем проведения следственных или судебных действий» [18, с. 44].

Солидарны с данным заключением и другие авторы, указывая, что «поскольку собираемые адвокатом-защитником материалы и сведения не обличены в процессуальную форму, то они не отвечают одному из свойств доказательств – допустимости» [37, с. 285].

Таким образом, соответствующие сведения, собранные адвокатом-защитником, смогут стать уголовно-процессуальным доказательством в досудебном производстве только через процессуальное решение должностного лица стороны обвинения. До этого момента любые сведения, полученные адвокатом-защитником, останутся лишь сведениями, не имеющими статуса доказательства.

В основе этого лежит идея объективности и беспристрастности должностного лица стороны обвинения, заинтересованного в объективном расследовании и не допускающего необоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности.

На деле всё обстоит несколько иначе – следователи и дознаватели не всегда руководствуются вышеназванными идеалами, следуя собственному мнению и собственным убеждениям в виновности конкретного лица.

Как отмечает Н.А. Подольный, «любая инициатива защитника по приобщению к материалам уголовного дела соответствующих доказательств может быть отвергнута следователем парой-тройкой дежурных фраз, суть которых состоит в том, что предложенные защитником сведения не имеют отношение к расследуемому преступлению. Причем практика показывает, что следователи при этом не утруждают себя тем, чтобы хоть сколько-нибудь обоснованно мотивировать такое свое решение» [58, с. 50].

Процессуальную активность защитника нередко воспринимается следователем или дознавателем как попытка запутать следствие, направить его по ложному пути из желания во что бы то ни стало добиться наиболее благоприятного исхода дела для подзащитного.

Анализируя данную проблему, О.А. Малышева также пишет, что «неполнота правового регулирования участия защитника в доказывании в досудебном производстве не может быть восполнена правовыми позициями Конституционного Суда РФ, поскольку они в силу своей правовой природы не могут выступать в качестве регулятора общественных отношений, в отличие от правовых норм. Поэтому следователи продолжают отказываться от проверки и оценки документов, сведений, заключения специалиста, полученных защитником, поскольку последний представляет их, как правило, с целью подвергнуть сомнению верность следственной версии, разрабатываемой следователем и характеризующейся часто обвинительным уклоном» [39, с. 127].

Но законная деятельность защитника – это не противодействие предварительному расследованию, а содействие защите прав и законных интересов лица, на которое направлено уголовное преследование.

Вполне понятно, что появление в уголовном деле новых доказательств по инициативе защитника, может создать известные сложности для расследования уголовного дела, внося диссонанс в систему доказательств, ранее выстроенную субъектом доказывания со стороны обвинения.

Тем не менее, это благо для расследования, поскольку позволяет создать дополнительные гарантии объективности и избежать привлечения к уголовной ответственности невиновного, что является приоритетом, равным по своему значению привлечению виновного к такой ответственности, в соответствии с назначением уголовного судопроизводства, сформулированным в ст. 6 УПК РФ.

Упрямая убежденность субъекта доказывания со стороны обвинения в виновности конкретного лица может не иметь объективной основы, будучи

построенной на неполных, фрагментарных представлениях о событии преступления, или ошибочной интерпретации отдельных фактов.

В этой связи, игнорирование следователем или дознавателем сведений, имеющих доказательственное значение, исходящих от защитника, способно «причинить вред не только защищаемым законом правам обвиняемого (подозреваемого), но и объективности проводимого предварительного расследования. Обусловлено это тем, что следствие может стать односторонним, имеющим массу пробелов, упустившим из внимания существенные обстоятельства совершенного преступления. Поэтому ходатайства, посредством которых адвокат стремится повлиять на процесс доказывания, имеют значение не только для стороны защиты, но и для всего предварительного расследования, для всего правосудия» [58, с. 51].

Тем самым, процессуальное противоборство стороны обвинения и защиты – это спор, в ходе которого «может родиться истина», несмотря на кажущуюся парадоксальность данного утверждения.

Тем не менее, обоснование данного тезиса не будет иметь значения руководящей идеи для следователя или дознавателя, пока не будет снабжено закреплённым в тексте УПК РФ механизмом придания статуса доказательства сведениям, вовлекаемым адвокатом-защитником в процесс производства по делу.

В качестве решения обсуждаемой проблемы, отдельным авторам представляется «разработка и внедрение норм, направленных на уточнение процессуальных особенностей сбора и приобщения к материалам дела доказательств адвокатом-защитником. В частности, нормативного закрепления в норме ст. 74 УПК РФ сведений, документов, предметов, полученных адвокатом в ходе его профессиональной деятельности, в качестве отдельного вида доказательств по делу с последующей регламентацией порядка получения, систематизации и документального оформления данных сведений» [9, с. 48].

Но реализация такого предложения встречает важное препятствие: адвокат-защитник не имеет властных полномочий, поскольку является заинтересованным (пристрастным) субъектом, а значит не может собственноручно сформировать уголовно-процессуальное доказательство и включить его в материалы уголовного дела.

Как верно указывается исследователями, «нормативная регламентация собирания доказательств в современном уголовном судопроизводстве сохраняет за этим видом уголовно-процессуальной деятельности властное правоприменительное качество. Деятельность защитника, направленная на вовлечение в процесс доказывания новых сведений, предметов и документов, на первоначальном этапе складывается вне рамок уголовно-процессуальных отношений» [19, с. 7].

Наличие сформулированных на уровне адвокатского сообщества Методических рекомендаций по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [43], с одной стороны, позволяет несколько упорядочить данную деятельность, привести её к неким стандартам, но с другой стороны лишь подчёркивает отсутствие соответствующего уголовно-процессуального регулирования данных процедур.

Таким образом, действия адвоката-защитника, связанные с реализацией полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ, по сути, остаются за пределами уголовно-процессуальной деятельности. Это означает, что в существующих условиях деятельность адвоката-защитника, направленная на собирание доказательств в интересах подзащитного, имеет не процессуальный, а «предпроцессуальный» характер.

Зарубежное регулирование говорит о том, что принципиальная возможность участия защитника в доказывании, как правило, не отвергается. В ряде стран «решение вопроса о признании допустимости доказательства, полученного защитником, в каждом конкретном случае решает суд» [80, с. 22].

Так, в уголовном судопроизводстве Италии сведения, полученные адвокатом-защитником считаются «нетиповыми доказательствами», требующими более тщательной проверки и оценки суда, чем «типовые доказательства» [97].

Как указывается специалистами, «необходимо, чтобы защитник получил возможность реально участвовать в процессе доказывания, отстаивая тем самым права и законные интересы своего подзащитного, чтобы следователь не мог отвергнуть его ходатайства о приобщении определенного доказательства к материалам уголовного дела, даже не вникнув в суть данного ходатайства и не проанализировав его значение для проводимого расследования» [40, с. 12].

Определённый шаг в этом направлении был сделан с принятием Федерального закона от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ [86], посредством которого в ст. 159 УПК РФ была введена ч. 2.2, в соответствии с которой был установлен запрет отказа в удовлетворении ходатайства защитника в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Но данный шаг оказался малоэффективным. В большинстве случаев, как указывает О.А. Малышева, «следователи по-прежнему продолжают отказывать адвокату-защитнику в удовлетворении рассматриваемого ходатайства. Указанное – свидетельство необоснованного усмотрения следователя в рамках своей процессуальной самостоятельности при определении относимости к уголовному делу представленного защитником документа, предмета. Основой этого выступает обвинительный уклон, присущий процессуальной деятельности следователя» [39, с. 127].

Таким образом, данная процессуальная норма также видится не вполне эффективной, нуждаясь в соответствующем совершенствовании, стимулируемом непрекращающимися дискуссиями специалистов.

3.3 Предложения, направленные на совершенствование процессуальной регламентации участия защитника в уголовном судопроизводстве

В первую очередь, в целях совершенствования определения защитника, нуждается в совершенствовании ст. 49 УПК РФ, в рамках которой следует заменить категорию «интерес», на категорию «законный интерес».

В новой редакции определение защитника может выглядеть следующим образом: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Далее, относительно совершенствования регулирования вопроса участия в качестве защитника лиц, не являющихся адвокатами, в вышеназванную норму следует внести дополнительные изменения, направленные на ограничение усмотрения суда в вопросе разрешения соответствующего ходатайства обвиняемого, путём дополнения ст. 49 УПК РФ новой ч. 2.1: «Ходатайство обвиняемого о допуске в качестве защитника одного из близких родственников или иного лица, не обладающего статусом адвоката, подлежит обязательному удовлетворению во всех случаях, когда отсутствуют процессуальные препятствия для участия данного лица в качестве защитника, в том числе, предусмотренные ст. 72 настоящего Кодекса».

Подобное дополнение может позволить преодолеть формальное отношение со стороны судов к подобны ходатайствам и положит начало формированию диспозитивной практики следования воле обвиняемого тогда, когда нет очевидных процессуальных препятствий или иных значимых причин такое ходатайство отклонить.

В совершенствовании также нуждается процессуальное регулирование участия адвоката-защитника в доказывании.

Следует также признать обоснованным предложение, высказанное в науке, о необходимости дополнения процессуального механизма рассмотрения ходатайств (глава 15 УПК РФ): «Следует особо оговорить процедуру рассмотрения ходатайств о проведении следственных действий, в результате которых предполагается получение определенных доказательств, благодаря которым можно установить обстоятельства соответствующего события или имевшего место действия. Для этого необходимо обязать следователя удовлетворять все ходатайства о проведении соответствующих следственных действий, если они мотивированы результатами использования защитником предоставленных ему ч. 3 ст. 86 УПК РФ полномочий» [58, с. 52].

Таким образом, законодателем может быть подчеркнута важность работы адвоката-защитника, связанной с доказыванием.

Если в досудебном производстве следователем или дознавателем будет отказано в придании статуса доказательства полученным защитником сведениям, то таковые могут в дальнейшем получить искомый статус уже в судебном производстве. Однако, возможность эффективного производства следственного действия, о котором ходатайствовал защитник, опираясь на результаты реализованных полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ, к моменту начала судебного разбирательства уже может быть утрачена. Поэтому важно обеспечить удовлетворение обозначенного ходатайства непосредственно в досудебном производстве.

Для усиления потенциала, заложенного в ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, направленного на обеспечение участия защитника в доказывании, его следует дополнить указанием на процессуальное условие отказа в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела доказательств, заявленного стороной защиты: отказ со стороны следователя – с согласия руководителя следственного органа, а отказ со стороны дознавателя – с согласия прокурора.

Также в качестве законодательной меры, направленной на совершенствование процессуальной регламентации участия адвоката-

защитника в доказывании может выступить предоставление защитнику возможности судебного обжалования отказа в удовлетворении ходатайства о проведении следственных действий, если оно мотивировано результатами использования защитником полномочий, обозначенных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, путём внесения изменений в ст. 125 УПК РФ.

Данный законодательный шаг может создать препятствие практике необоснованного отказа в удовлетворении такого рода ходатайств адвоката-защитника стороной обвинения.

По итогам третьей главы исследования можно сформулировать следующие выводы.

Достаточный интерес представляет вопрос регулирования местонахождения подсудимого и его защитника в ходе судебного разбирательства. В данном ключе вызывает бурные дискуссии вопрос обоснованности содержания подсудимых во время судебных заседаний за металлическими ограждающими барьерами, либо в модульных светопрозрачных кабинах, в контексте реализации права на защиту, учитывая, что подобные конструкции могут препятствовать полноценному взаимодействию с адвокатом-защитником. Законопроект, упраздняющий данную практику, не был реализован, встретив обоснованную критику на этапе обсуждения.

Резюмируя сказанное, следует предложить сохранить возможность размещения подсудимого во время судебного заседания за заградительным барьером, предусмотренным в зале суда, но при условии соответствующего обоснования применения данной меры безопасности. В качестве такого обоснования может иметь место квалификация инкриминируемого деяния (в частности, когда речь идёт об умышленных насильственных преступлениях против личности и т.д.), а также сведения о ранее допущенных со стороны подсудимого нарушениях, связанных с применённой к нему мерой пресечения и т.д.

Во всех остальных случаях, не требующих применения ограничительных мер, целесообразным является нахождение подсудимого во время судебного заседания вместе со своим защитником, что позволяет, с одной стороны, оперативно обсуждать в ходе процесса все необходимые вопросы, а с другой стороны, способствовать поддержанию доверительных отношений между защитником и его подзащитным. Интересным с практической точки зрения также видится вопрос о нахождении защитника относительно подзащитного в судебном заседании при применении системы видео-конференц-связи. Как представляется, возможность использования систем видео-конференц-связи при участии адвоката-защитника и его подзащитного в суде должна подкрепляться соответствующими гарантиями реализации права на защиту.

Действующий УПК РФ не детализирует вопрос о местонахождении защитника в судебном разбирательстве с применением систем видео-конференц-связи. Как представляется, непосредственное решение данного вопроса в конкретной ситуации следует оставить за подзащитным и его защитником на диспозитивной основе.

Можно сделать вывод о том, что расширение возможностей, связанных с использованием современных технологий в уголовном судопроизводстве, несомненно положительный шаг законодателя в данном направлении. Однако, поспешная его реализация может внести дисбаланс в существующий процессуальный порядок и повлечь снижение гарантий защиты прав и свобод личности в уголовно-процессуальной сфере – в первую очередь гарантий реализации, права на защиту.

В нормах УПК РФ следует предусмотреть конкретные механизмы обеспечения беспрепятственного конфиденциального общения подзащитного со своим защитником. Также необходимо усилить диспозитивное начало использования систем видео-конференц-связи в судебном производстве. Участие подсудимого посредством видео-конференц-связи должно реализовываться на основе его добровольного согласия – обратное может

иметь место лишь в исключительных случаях и только при условии обеспечения вышеназванных процессуальных гарантий реализации права на защиту.

Участие адвоката-защитника в доказывании является одной из наиболее обсуждаемых и значимых проблем, связанных с участием защитника в уголовном судопроизводстве в целом.

В существующем уголовно-процессуальном регулировании адвокат-защитник номинально наделён правом участвовать в доказывании в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Однако, защитник не является полноценным субъектом проверки и оценки доказательств, а значит не вправе сформировать доказательство в уголовно-процессуальном смысле, что следует из содержания ст. 87 и 88 УПК РФ.

Таким образом, соответствующие сведения, собранные адвокатом-защитником, смогут стать уголовно-процессуальным доказательством в досудебном производстве только через процессуальное решение должностного лица стороны обвинения. До этого момента любые сведения, полученные адвокатом-защитником, останутся лишь сведениями, не имеющими статуса доказательства.

В существующих условиях деятельность адвоката-защитника, направленная на собирание доказательств в интересах подзащитного, имеет не процессуальный, а «предпроцессуальный» характер. Ряд обозначенных проблем, связанных с участием защитника в уголовном судопроизводстве, нуждается в совершенствовании процессуального регулирования, посредством внесения тех или иных изменений в нормы УПК РФ.

Следует скорректировать определение защитника, содержащееся в ст. 49 УПК РФ. В новой редакции данное определение может выглядеть следующим образом: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Далее, относительно совершенствования регулирования вопроса участия в качестве защитника лиц, не являющихся адвокатами, в вышеназванную норму следует внести дополнительные изменения, направленные на ограничение усмотрения суда в вопросе разрешения соответствующего ходатайства обвиняемого, путём дополнения ст. 49 УПК РФ новой ч. 2.1.

Подобное дополнение может позволить преодолеть формальное отношение со стороны судов к подобны ходатайствам и положит начало формированию диспозитивной практики следования воле обвиняемого тогда, когда нет очевидных процессуальных препятствий или иных значимых причин такое ходатайство отклонить.

В совершенствовании также нуждается процессуальное регулирование участия адвоката-защитника в доказывании.

Для усиления потенциала, заложенного в ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, направленного на обеспечение участия защитника в доказывании, его следует дополнить указанием на процессуальное условие отказа в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела доказательств, заявленного стороной защиты: отказ со стороны следователя – с согласия руководителя следственного органа, а отказ со стороны дознавателя – с согласия прокурора. Также в качестве законодательной меры, направленной на совершенствование процессуальной регламентации участия адвоката-защитника в доказывании может выступить предоставление защитнику возможности судебного обжалования отказа в удовлетворении ходатайства о проведении следственных действий, если оно мотивировано результатами использования защитником полномочий, обозначенных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, путём внесения изменений в ст. 125 УПК РФ. Данный законодательный шаг может создать препятствие практике необоснованного отказа в удовлетворении таких ходатайств адвоката-защитника стороной обвинения.

Заключение

В рамках нормативного определения защитника, законодателем подчёркивается реализация последним двух фундаментальных направлений уголовно-процессуальной деятельности: защита и квалифицированная юридическая помощь.

Данные направления не смешиваются, но и не противопоставляются – они рассматриваются в рамках определённого целостного единства, позволяющего получить первоначальное, наиболее общее представление о данном участнике уголовного судопроизводства.

Процессуальный статус защитника составляет комплекс его правомочий, обязанностей и ответственности. В общем и целом, законодатель, формулируя соответствующие нормы, исходил из тезиса о том, что адвокат-защитник свободен в формах и способах осуществления своей деятельности.

Защитник реализует в уголовном судопроизводстве функцию защиты в узком смысле, включающим в себя процессуальную деятельность, направленную на защиту лица от уголовного преследования, реализуемого государством в лице всеми незапрещёнными средствами и методами, исходя из диспозитивного принципа «разрешено то, что прямо не запрещено».

Несомненно, ключевыми и важными, относительно обеспечения эффективной защиты в досудебном производстве, являются правомочия защитника, связанные с доказыванием, привлечением специалиста, а также участием в следственных действиях. Именно эти полномочия составляют сердцевину деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве.

Можно констатировать, что наличие предусмотренной законодателем возможности адвоката-защитника вовлечь в уголовное судопроизводство по своей инициативе и в интересах своего подзащитного специалиста, является важным ресурсом для активного участия в доказывании.

Результативность такой работы защитника, к сожалению, объективно ставится в зависимость от субъективного усмотрения, лица, в производстве

которого находится уголовное дело. Для того, чтобы данное правомочие активно реализовывалось в досудебном производстве, помимо самой инициативы стороны защиты, необходимо также стремление следователя, или дознавателя к объективному установлению всех обстоятельств, связанных с преступлением – стремление объективно установить виновность конкретного лица в его совершении, исключив необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Участие защитника в следственных действиях, производимых с участием подзащитного, либо по его ходатайству, или ходатайству стороны защиты (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) позволяет «дисциплинировать» сторону обвинения, подвинуть чёткому следованию процедуре производства конкретного следственного действия во избежание негативных итогов в виде признания полученных с нарушением требований УПК РФ доказательств недопустимыми, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

В конечном итоге, критический анализ хода и результатов производства следственного действия с участием подозреваемого или обвиняемого, со стороны защитника, способствует объективизации результатов расследования, созданию дополнительных гарантий его законности.

Следует критически отнестись к высказываемым мнениям, относительно необходимости ограничить сторону защиты в ознакомлении с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ. Такие предложения беспочвенны и основаны на неверной авторской интерпретации процессуального положения обвиняемого. Сторона обвинения обладает обширными инструментами процессуального принуждения, в то время, как обвиняемый всегда находится в более уязвимом положении, что и диктует необходимость уравнивание процессуальных возможностей через отдельные процессуальные правомочия.

В современных реалиях, учитывая развитие информационных технологий, в контексте возможного затягивания стороной защиты срока такого ознакомления с материалами уголовного дела, вполне возможно

создать эффективное препятствие для злоупотреблений такого рода. Так, современные технологии позволяют производить оцифровку материалов уголовных дел в целях передачи стороне защиты для ознакомления.

Следует поддержать высказываемые в уголовно-процессуальной науке предложения предоставить адвокату-защитнику возможность составления по итогам ознакомления с материалами уголовного дела, так называемого «защитительного заключения».

Подобное систематизированное, упорядоченное и конструктивное изложение суждений и выводов адвоката-защитника, охватывающее как фактическую, так и юридическую стороны конкретного уголовного дела, могло бы послужить на благо объективизации результатов расследования, минимизации обвинительного уклона на том этапе, когда сформулированные выводы сторон по делу представляются к рассмотрению независимому и беспристрастному суду.

Таким образом, адвокат-защитник наделён необходимым и достаточным объёмом правомочий для эффективной реализации своего предназначения в досудебном производстве. Профессиональное обращение к процессуальному инструментарию, обозначенному в ст. 53 УПК РФ, а также иных взаимосвязанных нормах, позволяет адвокату-защитнику осуществлять качественную и полноценную защиту законных прав и интересов подзащитного, создавая предпосылки для эффективной защиты уже в судебных стадиях уголовного процесса.

Анализ судебных решений, касающихся допуска в качестве защитника лиц, не имеющих статус адвоката, очевидна устойчивая практика исключения таковых из участия в судебном разбирательстве, что в ряде случаев позволяет с уверенностью констатировать нарушение судами права на защиту.

Как можно заметить, суды даже не утруждают себя внятной мотивировкой отклонения ходатайства, а в ряде случаев таковая выглядит абсурдно.

Судам, разрешая ходатайства о привлечении данных лиц в качестве созащитника, следует перестать относиться к вопросу формально, рассматривая это желание обвиняемого, как нечто, не имеющее практической необходимости – как то, от чего можно отмахнуться. Должна начать формироваться диспозитивная практика следования воле обвиняемого тогда, когда нет очевидных процессуальных препятствий или иных значимых причин такое ходатайство отклонить.

Но по общему правилу защитником в судебном производстве всё же выступает именно адвокат, обладающий необходимой компетенцией и квалификацией.

Именно в судебном производстве, где защитник действительно наделяется законодателем адекватным объёмом правомочий, в условиях состязательности и процессуального равноправия сторон, защитник может в полной мере реализовать свою профессиональную роль в интересах доверителя, рассчитывая на объективность и беспристрастность суда, играющего ведущую роль на соответствующей стадии уголовного процесса.

Инструментами же активного участия защитника в судебном разбирательстве в условиях состязательности выступает процессуальная возможность заявления ходатайств, отводов и обжалования действий (бездействия) и решений властных участников уголовно-процессуальной деятельности.

Достаточный интерес представляет вопрос регулирования местонахождения подсудимого и его защитника в ходе судебного разбирательства.

В данном ключе вызывает бурные дискуссии вопрос обоснованности содержания подсудимых во время судебных заседаний за металлическими ограждающими барьерами, либо в модульных светопрозрачных кабинах, в контексте реализации права на защиту, учитывая, что подобные конструкции могут препятствовать полноценному взаимодействию с адвокатом-

защитником. Законопроект, упраздняющий данную практику, не был реализован, встретив обоснованную критику на этапе обсуждения.

Резюмируя сказанное, следует предложить сохранить возможность размещения подсудимого во время судебного заседания за заградительным барьером, предусмотренным в зале суда, но при условии соответствующего обоснования применения данной меры безопасности. В качестве такого обоснования может иметь место квалификация инкриминируемого деяния (в частности, когда речь идёт об умышленных насильственных преступлениях против личности и т.д.), а также сведения о ранее допущенных со стороны подсудимого нарушениях, связанных с применённой к нему мерой пресечения и т.д.

Во всех остальных случаях, не требующих применения ограничительных мер, целесообразным является нахождение подсудимого во время судебного заседания вместе со своим защитником, что позволяет, с одной стороны, оперативно обсуждать в ходе процесса все необходимые вопросы, а с другой стороны, способствовать поддержанию доверительных отношений между защитником и его подзащитным.

Интересным с практической точки зрения также видится вопрос о нахождении защитника относительно подзащитного в судебном заседании при применении системы видео-конференц-связи.

Как представляется, возможность использования систем видео-конференц-связи при участии адвоката-защитника и его подзащитного в суде должна подкрепляться соответствующими гарантиями реализации права на защиту.

Действующий УПК РФ не детализирует вопрос о местонахождении защитника в судебном разбирательстве с применением систем видео-конференц-связи. Как представляется, непосредственное решение данного вопроса в конкретной ситуации следует оставить за подзащитным и его защитником на диспозитивной основе.

Можно сделать вывод о том, что расширение возможностей, связанных с использованием современных технологий в уголовном судопроизводстве, несомненно положительный шаг законодателя в данном направлении. Однако, поспешная его реализация может внести дисбаланс в существующий процессуальный порядок и повлечь снижение гарантий защиты прав и свобод личности в уголовно-процессуальной сфере – в первую очередь гарантий реализации, права на защиту.

В нормах УПК РФ следует предусмотреть конкретные механизмы обеспечения беспрепятственного конфиденциального общения подзащитного со своим защитником. Также необходимо усилить диспозитивное начало использования систем видео-конференц-связи в судебном производстве. Участие подсудимого посредством видео-конференц-связи должно реализовываться на основе его добровольного согласия – обратное может иметь место лишь в исключительных случаях и только при условии обеспечения вышеназванных процессуальных гарантий реализации права на защиту.

Участие адвоката-защитника в доказывании является одной из наиболее обсуждаемых и значимых проблем, связанных с участием защитника в уголовном судопроизводстве в целом.

В существующем уголовно-процессуальном регулировании адвокат-защитник номинально наделён правом участвовать в доказывании в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Однако, защитник не является полноценным субъектом проверки и оценки доказательств, а значит не вправе сформировать доказательство в уголовно-процессуальном смысле, что следует из содержания ст. 87 и 88 УПК РФ.

Таким образом, соответствующие сведения, собранные адвокатом-защитником, смогут стать уголовно-процессуальным доказательством в досудебном производстве только через процессуальное решение должностного лица стороны обвинения. До этого момента любые сведения,

полученные адвокатом-защитником, останутся лишь сведениями, не имеющими статуса доказательства.

В существующих условиях деятельность адвоката-защитника, направленная на собирание доказательств в интересах подзащитного, имеет не процессуальный, а «предпроцессуальный» характер.

Ряд обозначенных проблем, связанных с участием защитника в уголовном судопроизводстве, нуждается в совершенствовании процессуального регулирования, посредством внесения тех или иных изменений в нормы действующего УПК РФ.

Следует скорректировать определение защитника, содержащееся в ст. 49 УПК РФ. В новой редакции данное определение может выглядеть следующим образом: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу».

Далее, относительно совершенствования регулирования вопроса участия в качестве защитника лиц, не являющихся адвокатами, в вышеуказанную норму следует внести дополнительные изменения, направленные на ограничение усмотрения суда в вопросе разрешения соответствующего ходатайства обвиняемого, путём дополнения ст. 49 УПК РФ новой ч. 2.1.

Подобное дополнение может позволить преодолеть формальное отношение со стороны судов к подобным ходатайствам и положит начало формированию диспозитивной практики следования воле обвиняемого тогда, когда нет очевидных процессуальных препятствий или иных значимых причин такое ходатайство отклонить.

В совершенствовании также нуждается процессуальное регулирование участия адвоката-защитника в доказывании.

Для усиления потенциала, заложенного в ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, направленного на обеспечение участия защитника в доказывании, его следует

дополнить указанием на процессуальное условие отказа в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела доказательств, заявленного стороной защиты: отказ со стороны следователя – с согласия руководителя следственного органа, а отказ со стороны дознавателя – с согласия прокурора.

Также в качестве законодательной меры, направленной на совершенствование процессуальной регламентации участия адвоката-защитника в доказывании может выступить предоставление защитнику возможности судебного обжалования отказа в удовлетворении ходатайства о проведении следственных действий, если оно мотивировано результатами использования защитником полномочий, обозначенных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, путём внесения изменений в ст. 125 УПК РФ.

Данный законодательный шаг может создать препятствие практике необоснованного отказа в удовлетворении такого рода ходатайств адвоката-защитника стороной обвинения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Адвокатура в России: учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Сергеева. - М. : Юстицинформ, 2019. 548 с.
2. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 16.12.2015 г. по делу № 33-12146/2015 // СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.08.2018 г. по делу № 10-13198/2018 // <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/6edb2b0e-34d7-45f3-85ec-613187f61ca2>
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.09.2014 г. № 33-23883/14 // СПС «Консультант плюс».
5. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.03.2019 г. по делу № 22-400/2019 // <https://sudact.ru/regular/doc/ksOobcbvQgLr/>
6. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 15.09.2017 г. по делу № 22-6762/2017 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
7. Березин А.А. Защита прав граждан адвокатом в уголовном процессе. М. : Статут, 2014. 160 с.
8. Васильева А.О. Тайна предварительного расследования: понятие и содержание // Гражданин и право. 2022. № 8. С. 87-90.
9. Воложанин С.Н., Буфетова М.Ш. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 47-50.
10. Гаврилин Ю.В., Победин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27-38.
11. Гареева Э.Р., Кадымов А.А. Процессуальное положение защитника в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2022. № 8. С. 149-151.

12. Глушкова А.С., Медведева С.В., Ментюкова М.А. Право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела: проблемы правоприменения // Российский следователь. 2018. № 11. С. 33-36.
13. Давлетов А.А. Критерии допуска «иного лица» в качестве защитника по уголовному делу // Адвокатская практика. 2022. № 5. С. 14-18.
14. Дикарев И.С. Ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования: cui bono? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 20-24.
15. Дорошева А.А. Понимание функции защиты на стадии предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2021. № 5. С. 24-27.
16. Жадяева М.А. Защитник вместе с подсудимым в судебном заседании // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 45-48.
17. Жегулина М.А. Использование систем видеоконференц-связи в судебном заседании // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № S10 (S51). С. 7-9.
18. Заика С.В. Способы реализации права адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе при опросе лиц с их согласия и возможные ошибки при реализации данного права // Адвокатская практика. 2021. № 4. С. 40-44.
19. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: автореф. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 21 с.
20. Законопроект от 14.11.2018 г. № 587542-7 «О внесении изменения в статью 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/587542-7?ysclid=m2a2k05gd3691765624>
21. Каменев А.С. Перспективы внедрения электронного уголовного дела и его влияние на осуществление функции защиты // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2022. Т. 22. № 4. С. 21-26.

22. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 г. по делу № 77-55/2022 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

23. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2021 г. по делу № 77-430/2021 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

24. Киселёв П.П. Адвокатское расследование: правовые и организационные аспекты: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 33 с.

25. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003 г. // СПС «Консультант плюс».

26. Колоколов Н.А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 4. С. 3-6.

27. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г.И. Загорского. - М. : Проспект, 2016. 1216 с.

28. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

29. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

30. Кудрявцев В.Л. Адвокат-защитник или просто защитник? // Адвокат. 2006. № 2. С. 35-38.

31. Кудрявцев В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2008. 440 с.

32. Кучерена А.Г. Адвокатская тайна // Законность. 2003. № 2. С. 47-50.
33. Лазарева В.А. Некоторые вопросы реализации участниками уголовного судопроизводства конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 183-192.
34. Лазарева В.А. Роль адвокатуры в повышении качества и эффективности уголовного судопроизводства и некоторые гарантии ее реализации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Сборник научных статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 19-29.
35. Лисицин Р. Для чего адвокату ордер? // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 29-31.
36. Лупинская П.А. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. П.А. Лупинской. - М. : Юристъ, 1995. 544 с.
37. Ляхова А.И. Проблемы участия адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу: сборник трудов конференции. / А.И. Ляхова, И.А. Сотников // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 мая 2016 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О.Н. Широков [и др.] Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. Т. 2, № 2 (8). С. 284-286.
38. Макеева И.В. Взаимосвязь функций обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 253-256.
39. Малышева О.А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 123-131.

40. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М. : Юрист, 2009. 258 с.

41. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с «Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах») принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5-11.

42. Мерецкий Н.Е. Условия развития состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 11. С. 24-27.

43. Методические рекомендаций по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (утв. решением Совета ФПА РФ от 22.04.2004 г.) // <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/>

44. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного университета, 1976. 93 с.

45. Муратова Н.Г. Правовые акты адвоката, используемые в защите прав граждан при задержании и аресте // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. Екатеринбург : Изд-во «Чароид», 2003. С. 129-149.

46. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020 г.) // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

47. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Русс. яз., 1987. 797 с.

48. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 г. № 2443-О «По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега

Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

49. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2022 г. № 497-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ненашева Дениса Валерьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

50. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 268-О «По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // СПС «Консультант плюс».

51. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 928-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Зимичевой Веры Николаевны и Реканта Анатолия Абрамовича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. «СПС Консультант плюс».

52. Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 г. № 917-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Толстова Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. «СПС Консультант плюс».

53. Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2021 г. № 407-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

54. Определение Конституционного Суда РФ от 26.02.2021 г. № 338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лимарева Олега Максимовича на нарушение его конституционных прав статьями 53 и 412.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

55. Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 г. № 1430-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нуруллина Алмаза Фанисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 38, пунктом 6 части первой статьи 53, частью первой статьи 125 и частью третьей статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

56. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 48-УД21-16-К7 от 27.07.2021 г. // https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2020898

57. Побегайло Г.Д. К вопросу о дальнейшей демократизации деятельности советской адвокатуры // Труды Воронежского государственного университета. Т. 88. Воронеж, 1970. С. 121-134.

58. Подольный Н.А. Участие защитника в процессе доказывания: проблемы и пути их разрешения // Адвокатская практика. 2018. № 1. С. 48-53.

59. Порядок изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам (утв. решением Совета ФПА РФ от 04.12.2017 г. (протокол № 8) // <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-manufacturing-storing-and-issuing-orders-to-the-lawyers/>

60. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденным решением Совета ФПА РФ от 15.03.2019 г. // <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-appointment-of-lawyers-as-defenders-in-criminal-proceedings/>

61. Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014 г. Дело «Свинаренко и Сляднев (Svinarenko and Slyadnev) против Российской Федерации» (жалобы № 32541/08 и 43441/08) // СПС «Консультант плюс».

62. Постановление ЕСПЧ от 17.09.2015 г. Дело «Ковязин и другие (Kovyazin and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 13008/13, 60882/12 и 53390/13) // СПС «Консультант плюс».

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «Консультант плюс».

65. Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

66. Пшукова А.М. Профессиональная тайна адвоката как одно из основных требований адвокатской этики // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 299-301.

67. Рагулин А.В. Общие положения учения о профессиональной защите по уголовным делам. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2008. 312 с.

68. Решение Анапского городского суда Краснодарского края по делу № 2-2747/2020 2-69/2021 от 23.03.2021 г. по делу № 9А-383/2020~М-1619/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/stIOjmqcTXVH/>.

69. Решение Верховного Суда РФ от 29.04.2013 г. № АКПИ13-43 // СПС «Консультант плюс».

70. Росляков А.А., Лошкарев А.В. Проблемы института адвокатской тайны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 12-4 (87). С. 155-157.

71. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу. М. : Издательство «НОРМА», 2023. 232 с.

72. Рыжаков А.П. Защитник в уголовном процессе // СПС КонсультантПлюс. 2020.

73. Рыжаков А.П. Защитник в уголовном процессе: научно-практическое руководство. М. : Издательство «Экзамен», 2007. 479 с.

74. Рыжаков А.П. Права, обязанности и ответственность защитника. Комментарий к статье 53 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2022.

75. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. - М. : КНОРУС, 2008. 704 с.

76. Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура в Российской Федерации: Учебник. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 249 с.

77. Сопин В. Статья 217 УПК и состязательность в уголовном процессе // Законность. 2004. № 6. С. 40-41.

78. Строгович М.С. Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956. 255 с.

79. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.

80. Сущенко С.А. Судебная оценка недопустимости доказательств в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты // Мировой судья. 2017. № 2. С. 21-24.

81. Тарасов А.А. Об адвокатской и следственной тайне // Соотношение досудебного и судебного производства: вопросы права, процесса и криминалистики. Материалы межвузовской научно-практической

конференции (16 февраля 2006 г.) Омск : Изд-во Омск. юрид. ин-та, 2006. С. 12-18.

82. Трубникова Т.В., Грищенко А.В. Баланс публичных и частных интересов при применении видеоконференц-связи в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 236-253.

83. Трунов И.Л. Адвокатское защитительное заключение // Адвокатская практика. 2002. № 6. С. 27-29.

84. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

85. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

86. Федеральный закон от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

87. Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 57.

88. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

89. Чашин А.Н. Стратегия и тактика адвокатской деятельности. Учебное пособие. М., 2007. 272 с.

90. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М. : Госюриздат, 1951. 511 с.

91. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. 238 с.

92. Ясельская В.В. Пути повышения эффективности участия защитника на стадии предварительного расследования // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 34-38.

93. Jacobi T., Berlin R. Supreme Irrelevance: The Court's Abdication in Criminal Procedure Jurisprudence. // Emory University School of Law. 2018. P. 2033-2127.
94. Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008. 322 p.
95. Mireille Delmas-Marty, Spencer J.R. European Criminal Procedures. Cambridge University Press, 2002. 775 p.
96. Pinar N. Criminal Law General Provisions Course Notes. New York, 2020. 156 p.
97. Serene B. Le prove atipiche e le prove illecite // URL: <http://www.diritto.it/docs/35290-le-prove-atipiche-e-le-prove-illecite>.
98. Simon A. La mediation prud'homale // Justine. 2012. № 3. P. 30-35.
99. Smith A. The Difference in Criminal Defense and the Difference It Makes // Washington University Journal of Law Policy, 2003. P. 58-65.